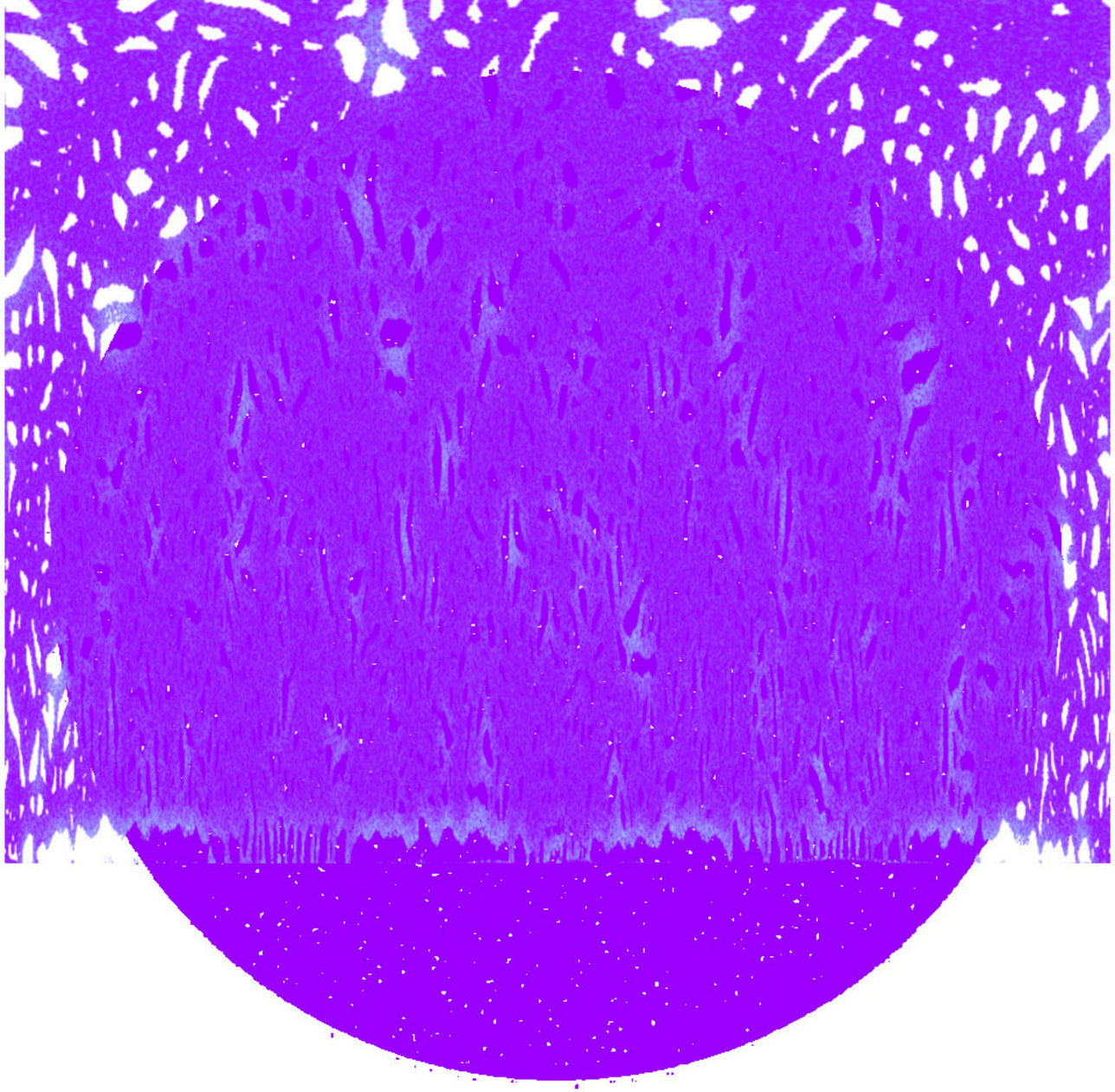


КАК ИЗУЧАТЬ ИНТЕРНЕТ: ОБ ЭТИКЕ И ПОЛИТИКЕ В ИССЛЕДОВАНИЯХ

методичка для исследователей, художников и всех, кому интересен интернет

СОДЕРЖАНИЕ МЕТОДИЧКИ:

1. ВВЕДЕНИЕ → 03-08
Несколько слов о том, почему работа с данными — это дело общественной и политической важности, и кому пригодится методичка. Написала Полина Колозариди.

2. ЭТИКА КАК КАРТОГРАФИЯ → 09-20
Эссе Дмитрия Муравьёва о том, почему этика — это не предписание сверху, а способ понимать себя в контексте данных и работы с ними.

3. НО ВЕДЬ ДАННЫЕ УЖЕ ПУБЛИЧНЫ *(перевод)* → 21-38
Классический текст Майкла Циммера о том, как исследователи использовали данные из Фейсбука, и почему это плохо кончилось.

3.1 СХЕМА О ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЙ → 39-40
Какие вопросы помогут в работе с тем, что мы привыкли называть данными.

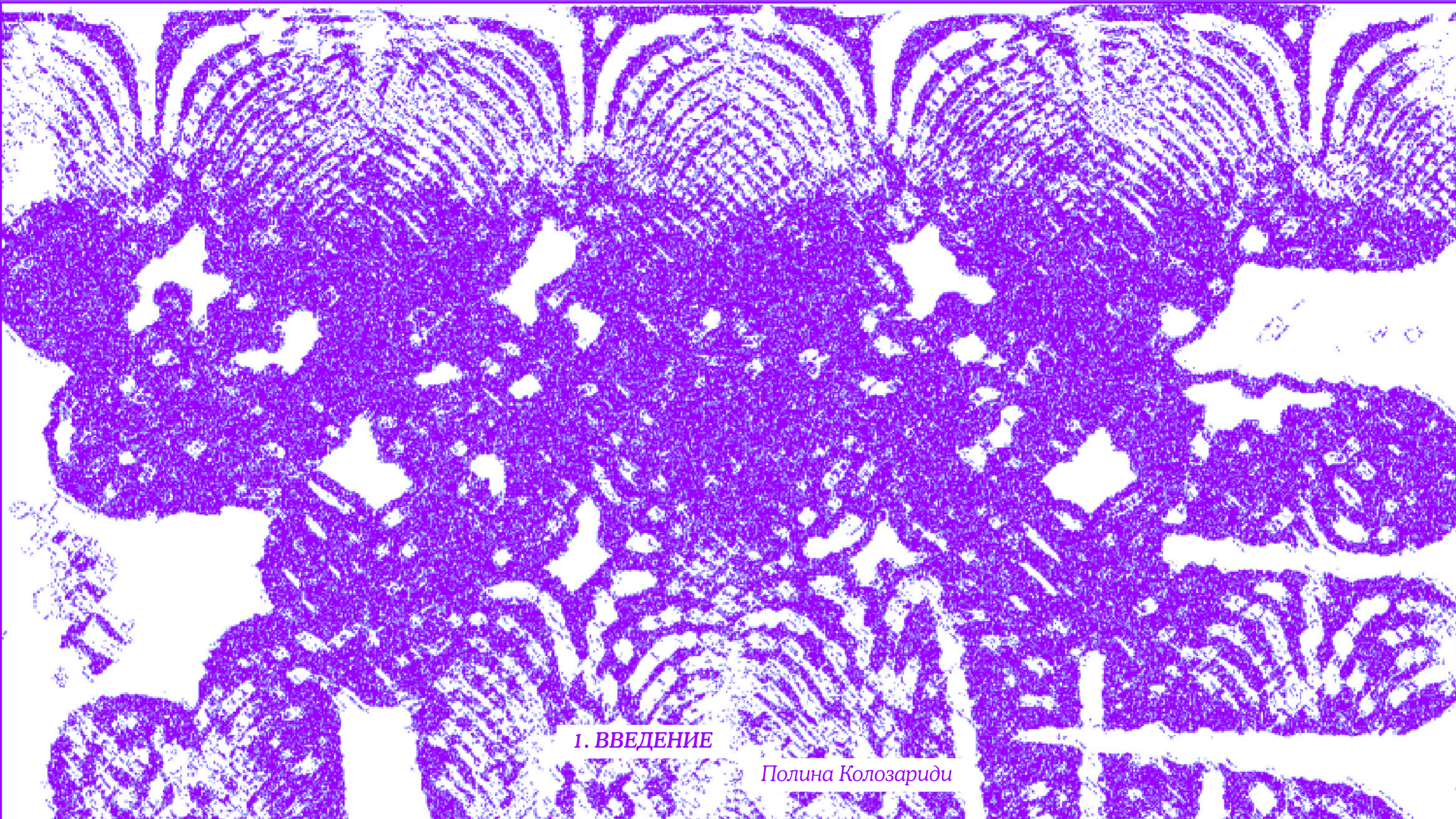
4. УПРАВЛЯЯ ЭТИКОЙ *(перевод)* → 41-60
Исследование о том, как в корпорациях Кремниевой долины понимают этику. Провели его Джейкоб Меткалф, Эмануэль Мосс и дана бойд.

5. ПЕРЕЖИВАЕМ ОБ ЭТИКЕ И ПОЛИТИКЕ → 61-67
Выдержки из блога авторов методички о том, как мы сами читаем и учимся думать о границах этики и политики.

6. ВЗГЛЯД НА ДОКУМЕНТ → 68-76
Эссе Татьяны Мироновой о том, как работа с документом в искусстве может создать дистанцию, а может — приблизить зрителя к опыту других людей.

7. КРИТИЧЕСКАЯ ПЕДАГОГИКА → 77-84
Краткие конспекты статей Аннетт Маркхэм о работе с данными и памятью в социальных медиа. Самим, без экспертов.

8. ЭТНОГРАФИРОВАТЬ АЛГОРИТМЫ → 85-92
Беседа Ника Сивера и Дмитрия Муравьёва о том, как понять отношения данных, людей и алгоритмов.



1. ВВЕДЕНИЕ

Полина Колозариди

ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ
интернет-исследовательница, изучает то, как разные люди понимают технологии, надеются на них, боятся и придумывают свои решения в жизни с интернетом. преподаёт в ВШЭ и ИТМО.

Мы часто *«говорим про данные»*, используем и изучаем их так, будто это мощное орудие, вложенное высшими силами науки в руки человека. На их основе строят учебные программы, бизнес-стратегии, управленческие решения и общественные отношения. Мы сталкиваемся с ними практически повсеместно.

Тем не менее, сам факт опоры на данные при выстраивании значимых процессов почти не осмысляется — даже в университетах. О том, насколько это сложно, вспоминают или когда говорят об утечках, или об абстрактной безопасности. И всё же, данные, в особенности те, что документируют социальные процессы — вовсе не *«даны»*. Их производят, когда нужно что-либо узнать или представить некоторое явление.

«Некоторое явление» является неопределённым, пока о нём нет данных или документов. Когда появляется документация, оно становится *«населением страны»*, *«потребителями магазина»*, *«доходами горожан»*, *«статистикой смертности»*, *«причинами заболевания»* и так далее. Данные открывают возможности для описания мира через категории. А составляют такие описания исследователи. Поэтому большая часть нашего зина посвящена именно им/нам.

Также в методичке мы обращаемся к опыту документального искусства. Эти две темы нечасто изучаются вместе, хотя художественные исследования и теории хранят в себе немало подходов и линий размышления, которые не представлены в науке. Кроме того, работы художниц и художников становятся способами рефлексии о данных. И сами они могут быть объектами для критики и размышлений.

Зин посвящён критическим подходам к данным в исследованиях и искусстве. *«Критическим»* — не значит запретительным или морализаторским. Наоборот, мы понимаем, что инструменты, связанные с данными, уже давно стали частью нашей жизни. Проблема, однако, в том, что мы не знаем, какую позицию занять, чтобы осмыслить их роль. А это осмысление, возможно, помогло бы нам действовать иначе и исходя из других позиций.

Зин начинается статьёй Дмитрия Муравьёва о том, что этика — это не набор правил, а способ думать о себе, имея дело с данными. Ведь мы не только изучаем, но и сами производим данные, пользуемся ими.

Опираясь на подходы Мишеля Фуко, Дмитрий предлагает понять, как устроена субъектность человека, который в принципе задаётся этими вопросами (да, возможно, это и ваша, дорогой читатель, субъектность). Вопросы можно уточнять с помощью техник себя: это понятие, которое какие действия мы предпринимаем, чтобы быть собой, фиксировать это и меняться. Текст рассматривает

отношения с данными, понимая их, *«с одной стороны, как риторический жест сборки реальности, а с другой — как результат труда, распределённого во времени, пространстве и различного по своему характеру»*. Дмитрий помогает разобраться с этими непростыми задачами с помощью вопросов и схем, которые помогают настроиться на понимание этики.

Следующий текст — это перевод классического текста исследователя Майкла Циммера. На примере крупного количественного исследования Майкл объясняет, что данные не являются неким свободным для использования контентом, доступным для всех желающих. Исследователи обращались к ним, не заботясь при этом о приватности и конфиденциальности. А участники, оставляя свои данные, не знали, что их изучают. Эта статья привела к обсуждению исследовательской этики в академическом поле, а потом и внутри корпораций. В результате, изменились правила доступа и нормы исследователей по изучению онлайн-материалов.

Этот пример может навеять отчаяние и отбить желание изучать что бы то ни было, но мы призываем не отчаиваться. Ведь опыт прошлых изменений позволяет подготовиться к следующим, а какие-то сложности уже учтены.

Наш небольшой текст-схема подскажет возможные решения проблем, связанных с данными. На ней последовательно изображены вопросы, которые могут помочь сформулировать проблемы и понять, что вы уже делаете вполне рассудительно.

Если ваша работа заключается не столько в использовании данных, сколько в их изучении — в студенческой работе, научном отчёте или прикладном исследовании, — то возникает вопрос о том, как это делать. Здесь поможет наш второй переводной текст, посвящённый исследованию этики технологий в том виде, в каком она формируется в Кремниевой долине. Эта работа предлагает несколько способов размышления о данных — не универсальных, а устроенных в соответствии с конкретной ситуацией. Исследователи собрали мнения сотрудников IT-компаний об этичных подходах к работе и о сложностях, с которыми они сталкиваются при претворении этих принципов в жизнь. Оказалось, что этика не вполне согласуется с инженерной меритократией, способами принятия решений и механизмами рынка. Поэтому она скорее представляется проблемой, которая ждёт решения в мире индустрии и академии, чем исследовательским вопросом, для которого не находится места в повседневности компании.

Выдержки из нашего блога позволяют и нам определить позицию, из которой можно смотреть на данные и переживать о них. Эти небольшие цитаты показывают, что мы не родились с пониманием вопросов, нужных для проблематизации данных. Мы читали Макса Вебера, статистические документы, материалы о выставках и спектаклях и пытались понять, что они означают с точки зрения этики и политики работы с данными. Из этого многообразия

и возникают, если не решения, то, как минимум, вопросы, позволяющие более чётко сформулировать свою точку зрения.

Татьяна Миронова в своей статье предлагает сменить угол зрения с исследований на искусство, обнаруживая и сходства, и различия. Она рассказывает про художественные документальные проекты. Многие из них раскрывают чувствительные для людей и общества темы — личной памяти, катастроф и войн, сложного опыта отдельных групп. Чтобы понять эти истории, нам нужно соотнестись с опытом тех, кто пережил такой непростой опыт. Но в каких отношениях с чужими воспоминаниями и артефактами мы оказываемся? В кого превращается / перевоплощается художник или куратор, когда предъявляет документальные объекты миру? Усиливает ли он переживание или уравнивает его с другими? Татьяна рассматривает эти вопросы с опорой на теории Мишеля Фуко и примеры из искусства.

Конспект статьей Аннетт Маркхэм позволяет находить решения сложных проблем вместе. Для этого Аннетт обращается к критической педагогике. Маркхэм — сторонница этого подхода, так как он помогает понять этические аспекты работы с данными – как специалистам, которые сталкиваются с ними каждый день, так и всем остальным. Не стоит забывать, что мы все являемся источниками данных и в некотором смысле объективированы ими. Значит, знание о данных — не прерогатива самых умных или наделённых властью, а то, с чем может разобраться любой человек, анализируя свой опыт и контекст, в котором он оказывается на онлайн-платформах. Три текста исследовательницы в нашем кратком пересказе рассказывают о том, изучать собственную жизнь через призму данных, устраивать встречи, где можно обсуждать это и усваивать язык, располагающий к рефлексии об этике и политике данных.

Интервью с антропологом Ником Сивером возвращает нас к самому простому вопросу: стоит ли рассматривать современные данные и алгоритмы как нечто, противоположное человеку? Сивер говорит о том, как устроены музыкальные алгоритмы, какое соотношение технического и социального в них есть. Из приведённых им примеров становится ясно, что работая с данными, в каждом, даже не очень значимом поначалу действии, мы понемногу переопределяем, чем является человек. Трансформация нашей жизни происходит незаметно, однако работая с данными, мы можем не только понять, но и немного повлиять на неё.

Мы два года трудились над сборкой сюжетов, в первую очередь — на тему онлайн-данных, искали основания разговора, которые были бы понятны самым разным людям. В конце каждого материала есть вопросы, которые позволят подумать о сюжетах, которые мы выделяем. Некоторые из них требуют размышления, а другие имеют более прикладной характер. мы надеемся, что этот зин пригодится в учебных курсах и практической работе с данными:

с материалами можно (и стоит) работать по собственному усмотрению, критиковать их и уточнять написанное, наблюдая за собой и миром.

Сами мы — достаточно разные. И наш собственный поиск общего языка, не всегда успешный, тоже есть на страницах зина. Организовали зин Дмитрий Муравьёв*, Полина Колозариди*, Татьяна Миронова* и Анастасия Хазова*. Дмитрий и Полина вовлечены в проблему данных как академические исследователи и публичные интеллектуалы. Татьяна работает с художественными подходами, а Анастасия — занимается непосредственно данными в проектах с цифровыми гуманитарными (и не только) науками. Тексты переводили Мария Казакова* и Виктория Сазонова*. Тексты редактировали Ольга Дерюгина* и Лёня Юлдашев*. Дизайном занималась Дарья Суратова*.

Мы благодарим НИУ ВШЭ за грант, который позволил нам в течение двух лет собирать и обсуждать все эти материалы, и сделать этот зин доступным для всех пользовательниц и пользователей интернета.

*

Дмитрий Муравьёв (организатор)

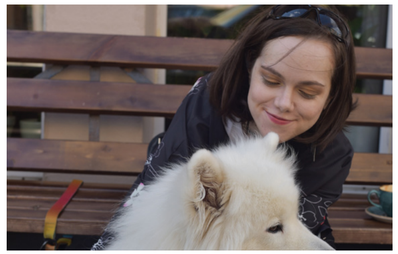
Полина Колозариди (организаторка)

Татьяна Миронова (авторка)

Анастасия Хазова (организаторка)

Мария Казакова (переводчица)

Виктория Сазонова (переводчица)


Ольга Дерюгина (редакторка)

Лёня Юлдашев (редактор)

Дарья Суратова (дизайнерка)

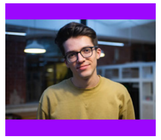
ВОПРОСЫ К ТЕКСТУ:

а) Кто задаёт рамки и определения тому, что такое данные в вашей сфере деятельности? Давно ли появилось это слово по отношению к тому, что вы делаете?

б) Напишите, что считается благом в работе с данными, где вы участвуете? Кто получает это благо, а кто — может лишиться? (тут можно небольшую схему сделать) ↙

ЭТИКА КАК КАРТОГРАФИЯ

Дмитрий Муравьев



ДМИТРИЙ МУРАВЬЁВ
социальный исследователь технологий, магистр критических медиаисследований (ВШЭ) и автор телеграм-блога @datastudies. Дмитрий интересуется отношением между различными формами знания и цифровыми технологиями.

В дискуссиях про большие данные, искусственный интеллект и алгоритмы нередко можно встретить такие словосочетания как *«этические последствия применения алгоритмов в здравоохранении или вопросы этики при работе с большими данными в рекрутинге»*. Подобные формулировки отражают представление об этике как неком придатке, отдельной области рефлексии. При таком раскладе этическая экспертиза уподобляется пограничнику, который решает, не переходит ли кто-то границы этики без соответствующих документов.

Разделение на *«этичное и неэтичное»* в обсуждениях технологий зачастую вытекает из обобщенного образа Человека с отчётливыми представлениями о должном поведении или правильных намерениях, а нам, как участникам и наблюдателям дискуссий, остаётся лишь с ним соотнестись. Однако представление об универсальности и монолитности такого Человека в центре разговора об этике выглядит убедительным далеко не для всех.
Здесь моя позиция близка тем исследователям и исследовательницам, которые исследуют возможности постгуманистической этики в контексте больших данных (Mauthner, 2019).

Я хочу предложить три последовательно связанных между собой шага, которые помогут подойти к вопросу этики данных иначе. Во-первых, я утверждаю, что этические беспокойства о данных должны объединять рефлексию о связях между самостью, данными и вопросами о будущем. Во-вторых, чтобы это сделать, необходимо сделать видимой материальную и риторическую работу, что стоит за данными как прилагательным, и таким образом открыть путь к критическому сомнению. В-третьих, я предлагаю несколько тактик, которые помогут работать с этикой данных на разных уровнях.

ЖИТЬ С ДАННЫМИ И СОБОЙ

Чтобы отделить понимание этической экспертизы как пограничника от смыслов, к которым я буду обращаться в дальнейшем, я хочу обратиться к понятиям, предложенным Мишелем Фуко. Философ выделял **моральный кодекс** как общую рамку для разграничения между *«разрешёнными и запрещёнными актами»* и **этику** как способ выстраивания отношений с самим собой, *«способ конструирования индивидом себя в качестве морального субъекта своих действий»* (Фуко, 2008, с. 143). Если первое определение настраивает нас на мышление об этике как вписывании поведения субъекта в определённые рамки, то второе заставляет предметно мыслить об *«условиях возможности субъективности»*, обусловленной отношениями с другими людьми и институтами власти. В таком контексте

этическая экспертиза перестаёт действовать как пограничник и превращается в картографа, выясняющего, как и почему были проведены конкретные границы и что за люди живут по их стороны.

Исследования Фуко в области этики фактически разбросаны по всему корпусу его текстов, но в наиболее концентрированном виде их можно обнаружить в работах мыслителя, посвящённых осмыслению секса и сексуальности. В интервью Полу Рабиноу и Хьюберту Дрейфусу Фуко поясняет, что рассматривает этику в разрезе четырех измерений, которые он называет *«модусами субъективации»* (Фуко, 2008). Первый модус выясняет, какие черты и особенности поведения субъекта задействуется в определении его моральных качеств. Второй — описывает влияние других людей, которые побуждают нас как субъектов признавать свои моральные обязательства. Третий фокусируется на способах, к которым мы обращаемся, чтобы трансформировать себя и стать *«этическими субъектами»*. Наконец, четвёртый ставит вопрос о том, какова конечная цель, которую мы как субъекты преследуем, поступая согласно представлениям о морали. Эти четыре аспекта отсылают к различным измерениям, в которых человек конструирует себя как субъекта морального действия.

Между этикой и другими социальными структурами для Фуко нет необходимой и неизбежной связи. Хотя модусы субъективации не являются предметом свободного и независимого от окружающей действительности выбора, каждый из них предполагает определённый уровень свободы, понимаемой как наличие вариативности и альтернатив.

В такой трактовке этика отходит от продолжительной традиции моральной философии, которой присущи размышления о последствиях действий или вопросов о должном. Вместо этого в центре внимания оказывается отдельный субъект и его практики.

Смотреть на этику как Фуко полезно, чтобы увидеть, что этические беспокойства могут быть связаны не только с попытками соотнести себя с внешним моральным кодексом (*«правильно ли я поступаю по отношению к другим?»*), но и с рефлексией о том, как субъект выстраивает отношения с собственной субъектностью, находящейся в становлении.

В том же интервью Фуко обсуждает феномен **hupomnēmata** — в древнегреческом контексте это одновременно и практика письма для самого себя (фиксирование прочитанного и обдуманного), и собственно записные книжки и тетради. Как описывает Фуко, цель hupomnēmata была в следующем: *«Главное — не обнаружить неописуемое, не выявить скрытое, не высказать невысказанное, а, наоборот, собрать уже сказанное, переупорядочить услышанное или прочитанное, и всё это ради ни много ни мало конституирования себя»* (Ibid., с. 153). Через записную книжку древним грекам открывалась возможность абсолютного самоконтроля — по оценке Фуко, столь же революционная, как и *«проникновение компьютеров в частную жизнь»* (Ibid., с. 151).

В смысле формирования субъективности сегодня пребывание с данными обладает для нас таким же революционным значением, как некогда практика ведения записей для древних греков. Если мы как субъекты уже пребываем с данными и они опосредуют наши действия, то и наши техники себя — как коллективные, так и индивидуальные — может включать в себя фиксацию новообретённой нами датафицированной жизни. Таким образом, этика данных может стать исследованием или своего рода картографированием изменений в отношениях с самим собой и с другими.

Чтобы разобраться с тем, что происходит с субъективностью под влиянием данных, можно взглянуть на исторические изменения — как преемственность, так и разрывы — которые стоят за сменой способов выстраивания отношений с собой и другими. В литературе по критическим исследованиям данных, интернет-исследованиям, а также по социологии и истории статистики можно обнаружить различные ответы на вопрос о взаимовлиянии данных и субъективности. К примеру, исследователь Колин Купман, работающий с аналитическим методом Мишеля Фуко, предлагает считать середину 1910-х — середину 1930-х годов точкой, в которой начала формироваться так называемая **информационная личность** (informational personhood). Именно в это время понятие «*информации*» начало приобретать значимость, а индивидов стали определять через данные о них.

Информация фиксируется благодаря **форматированию** — это важное понятие в работе Купмана, лежащее в основе новой формы власти, называемой им «*инфовластью*». В отличие от дисциплинарной власти у Фуко, фокусирующейся на предписываемых телам нормах, инфовласть располагается в плоскости форматов — это могут быть формы, где надо отметить подходящие поля галочкой, печатные бланки, тесты, опросники и так далее. Форматы зависят от категорий, которые определяют, как и какие данные нужно собирать, и в конечном итоге задают рамку, через которую индивиды определяют себя. Данные, по словам Купмана, начинают предшествовать нашей самости. По этой причине ошибочно принимать их за двойников и тени, следующие за нами, ведь они часто предвещают наше присутствие.

Тексты, подобные купмановскому, позволяют с точки зрения истории и теории обозначить тот момент, когда данные начали участвовать в процессах самоопределения и выстраивания отношений с другими. Данные помещают нашу самость в предзаданный формат, делая её частью больших коллективов — и это случается не всегда по нашей воле. Сегодня данные, которые хранятся, обрабатываются и анализируются на пользовательских электронных устройствах, предлагают нам оценивать свои тела через фитнес-трекеры и приложения, следящие за здоровьем, а свой академический успех — через показатели цитирования и средние баллы.

Это наблюдение настолько же банально, насколько и важно. Невозможно говорить об этике как проведении границ между *хорошим* и *плохим* обращением с данными, не рассматривая те изменения, что претерпевает человеческая субъективность как источник моральных суждений. Этические беспокойства могут удерживать воедино рефлексию о жизни с данными и вопрос о должном будущем.

Теперь можно двигаться дальше — и подумать о том, как данные воздействуют на те четыре модуса субъективации, о которых писал Фуко, а также о том, насколько желаемыми эти изменения кажутся как нам самим, так и коллективам, частью которых мы являемся.

Не все обстоятельства жизни с данными одинаково благоприятны. Хотя опыт превращения собственных действий в данные знаком многим, этот процесс не всегда происходит одинаково для всех. Данные по-разному внедряются в нашу жизнь, и чтобы сохранять возможность критической оценки, а не просто рефлексивного рассмотрения их как основания самости, нужно привнести в них сомнение. Для этого я предлагаю смотреть на данные не как на существительное, а как на прилагательное, — этому упражнению посвящена следующая подглава.

ЖИТЬ С ДАННЫМИ И ДРУГИМИ

Отстранив само понятие *«данные»*, можно увидеть, насколько тесно оно связано с отношениями и связями в самом широком смысле этих слов. Когда мы открываем таблицы Росстата или смотрим в мобильном приложении инфографику о количестве пройденных шагов, то имеем дело с данными. Общее в этих двух примерах — то, что они отсылают к чему-то в мире, будь то смертность или пройденный нами за день путь, что уже произошло и количественно зафиксировано. Получается, что *«данные»* зачастую описывают реальность из прошлого.

Однако так бывает не всегда. К примеру, начиная с 1980-х годов, климатологи называли *«данными»* не только показания инструментальных наблюдений, но и выходные результаты предсказательных моделей — как о будущем, так и о прошлом (Strasser & Edwards, с. 329). Выходит, данные живут в разных временных измерениях, устанавливают отношения с прошлым, настоящим и будущим.

Можно подумать, что даже если данные информируют нас о событиях в различные моменты времени, они всё равно являются *«записывающими устройствами»*, которые фиксируют информацию о мире. Но я, вслед за Сабиной Леонелли, утверждаю, что это не единственно возможное определение (Leonelli, 2013). О данных во многом полезнее думать не как об объекте, а как об атрибуте. Они отвечают на вопрос *«какие?»*, а не *«что?»*.

Чтобы увидеть это, обратимся к этимологии слова. Английское data, как указывает Д. Розенберг, — вариант множественного числа латинского datum (Rosenberg, 2013). Последнее, в свою очередь, является причастием прошедшего времени от глагола dare, *«давать»*. В таком

случае с этимологической точки зрения *«данные»* (datum) — это то, что мы принимаем как данность, воспринимаем как должное. Розенберг отмечает, что *«данные»* отличаются от *«факта»* (латинский глагол facere — *«делать»*) и *«свидетельства»* (videre — *«видеть»*): *«факты относятся к онтологии, доказательства — к эпистемологии, данные — к риторике»* (Ibid., с. 18).

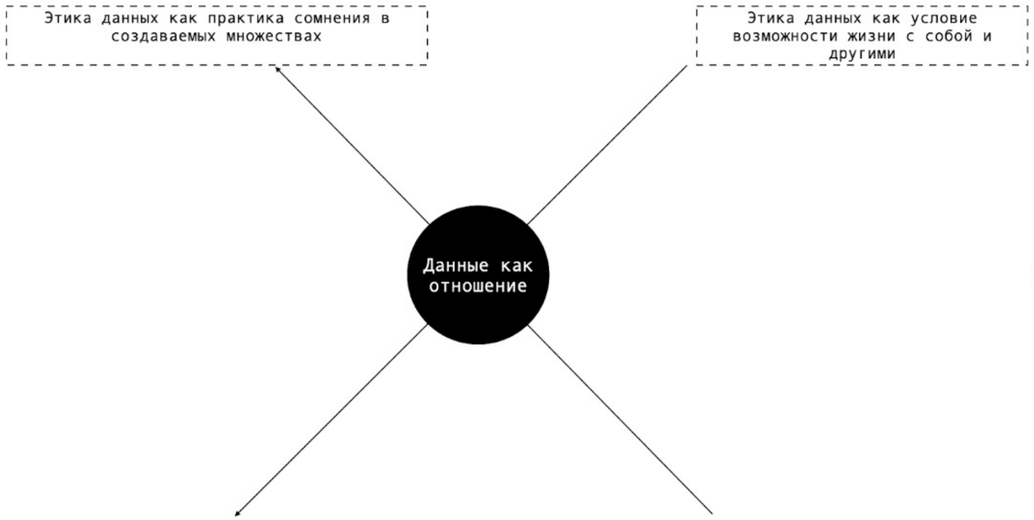
Отношения между реальностью, способами её познания и разговоре о ней теперь предстают не такими линейными: данные могут быть ложными (относительно познаваемой реальности), но при этом не перестают быть данными как таковыми. Слово *«данные»*, таким образом, отсылает к уровню риторических утверждений об определённой природе реальности. Если это иметь в виду, то данные станет проще поставить под сомнение.

Такое понимание данных позволяет увидеть, что объекты наделяются статусом данных в тот момент, когда необходимо риторически сделать *«прыжок»* из зоны работы инструментов их сбора/регистрации в область *«природы»*. *«Данные»* появляются именно тогда, когда мы умалчиваем о их природе, потому что они и должны заменять нам природу. Этические беспокойства вокруг данных должны удерживать неустранимую неоднозначность такого прыжка.

Изначально множественная форма data в современном английском используется в том числе с глаголами единственного числа *(«data is»)*, в то время как datum остался позабыт. В русском языке слово *«данные»* не используется в единственном числе. Поэтому даже если мы как русскоговорящие люди не обращаем на это особого внимания, мы всё равно держим в уме тот факт, что данные представляют собой агрегат определённого множества. Нечто становится данными, когда оно вступает в некоторые отношения, становится частью множества, но при этом сохраняет свою единичность. Эта идея встречается и в распространённой маркетинговой максиме о ценности аналитики данных: информация о покупках одного конкретного человека не так интересна компании, но данные о тысячах и десятках тысяч человек уже представляют ценность.

Чтобы объединить единичности и сделать их множеством, требуется разнообразный по квалификации, протяжённый во времени и распределённый в пространстве труд. Люди собирают, очищают, систематизируют, дают и забирают доступ, каталогизируют, анализируют, визуализируют и презентуют данные — эти и другие этапы демонстрируют процессуальную природу данных. Благодаря всем этим разнообразным процедурам данные могут путешествовать и жить в разных контекстах. При этом учитывать тот факт, что данные создаются человеческим трудом — не значит дезавуировать и разоблачить их значимость, скорее это про производство сомнения в том знании, которое сообщается нам через работу с ними.

В этих двух подглавах я попытался раскрыть две идеи, согласно которым данные предстают скорее в виде отношений, чем объекта. Во-первых, размышления о взаимном влиянии данных и нашей самости открывают возможность для этической рефлексии о том, как меняются наши отношения с собой и другими. Во-вторых, само понятие *«данные»* можно понимать реляционно как, с одной стороны, риторический жест сборки реальности, а с другой — продукт распределённого во времени, пространстве и различного по своему характеру труда.



Вместе эти две предпосылки задают рамку для мышления о разных аспектах жизни с данными. Воспринятая под таким углом, этика данных уже не столько проводит границы между *«этичным»* и *«неэтичными»* практиками работы с ними, сколько приглашает постоянно ставить под сомнение способность данных скрывать отношения, построенные вокруг них, и размышлять о желаемой жизни с ними.

Далее я хочу предложить несколько практических тактик, отражающих предлагаемый здесь тип этического беспокойства и существующих на пересечении двух обозначенных мной идей.

ПЕРЕСЕЧЕНИЯ И ТАКТИКИ

Чтобы понять, в каких случаях данные определяют наши возможности, я предлагаю обратиться к различным формам документации их жизни. Джо Бейтс, Ю-Вей Лин и Пола Гудейл вводят понятие *«путешествие данных»* и предлагают проследовать по маршруту перемещения данных, чтобы изучить их постоянства и изменчивости, а также препятствия, возникающие на их пути (Bates et al., 2016). Хотя эта теоретическая рамка нужна прежде всего для социальных исследователей, мне представляется, что её центральный этос — документирование данных на разных этапах их существования — может быть переведён и в плоскость изучения индивидуальной и коллективной жизни с данными с точки зрения этики.

Здесь также пригодятся индивидуальные тактики отслеживания жизни с данными. В качестве примера можно привести социальное движение Quantified Self.

Его участники используют цифровые устройства, чтобы собирать информацию о пройденных шагах, пульсе, сердцебиении, проведённом за работой времени, ритме сна и бодроствования и о многом другом (Lupton, 2015, p. 168-187). Затем пользователи обсуждают друг с другом свои личные данные, визуализируют их и размышляют, как эта информация может быть использована для улучшения качества жизни.

Безусловно, такая практика подойдёт не всем — как минимум, для неё необходимы устройства для селф-трекинга (отслеживания данных о самом себе), которые не все смогут или захотят приобрести, и как следствие — вступление в неравные отношения с производящими такие гаджеты компаниями. Кроме того, сведение категории *здоровье* — обширной по содержащейся в ней смыслам — к совокупности количественной информации об организме и происходящих в нём процессах может привести к тому, что другие значимые аспекты самоощущения человека останутся незамеченными.

Тем не менее, если придерживаться сомнения в природе данных, благодаря такой тактике можно увидеть, как именно данные меняют наше представление о самих себе. Это особенно ценно, учитывая, что мы зачастую оказываемся частью опосредованных данными социальных отношений — к примеру, с государством — даже без явного на то согласия. Здесь можно привести в пример такие форматы, как сертификат о рождении или смерти, номер налогоплательщика, паспорт. Также стоит помнить о том, что выбор между тем, чтобы передать какой-либо институции или компании данные о себе, или не делать этого, нередко оказывается очень условным, поскольку положительное решение открывает значительно больше возможностей, чем отказ. В частности, это характерно для взаимодействий с университетом или работодателем.

Чтобы осмыслить это, я предлагаю документировать для себя переход, который данные как понятие и так всегда риторически совершают, — от самой *«природы»* реальности к её определённой сборке, работающей для нас как репрезентация. К примеру, вместо того чтобы думать о зафиксированных в приложении калориях как показателе нашего здоровья, можно размышлять о том, каким человеком я становлюсь при обращении к этим данным. Как через такие данные определяется *«правильное»* пищевое поведение? Почему я считаю важным принимать или не принимать во внимание изменения в таких данных, когда покупаю еду? Есть ли какие-то внешние инстанции, раздающие упреки и поощрения в контексте *«правильного»* пищевого поведения, определяемого через такие приложения? Какие ещё существуют способы рефлексии о *«правильном»* пищевом поведении? Зачем я обращаюсь к таким данным, когда выбираю свою диету? Почему я не выбрал иные? Такую рефлексию можно осуществлять, к примеру, в формате дневника: наподобие hupomnēmata — тех записных книжек, о которых говорил Мишель Фуко.

Я также призываю не ограничиваться индивидуальными тактиками. Чтобы понять обусловленные жизнью с данными этико-политические трансформации, стоит выработать коллективные тактики, отвечающие на такой вызов. К примеру, путешествиями данных, которые меняют места назначения, не должны заниматься исключительно социальные исследователи. Картографирование особенностей производства, обработки, анализа, использования и других этапов жизни данных важно не только как научное предприятие, но и как часть этической рефлексии об изменениях форм коллективной жизни. В эту практику можно вовлечь исследователей из других областей знания, журналистов, представителей некоммерческих организаций, художников. При чём группы не обязательно должны быть связаны общей профессиональной идентичностью. Иногда возникают ситуации, когда данные несут с собой проблему для определённой группы людей — например, когда данные о доставке еды попадают в публичный доступ. В других случаях данные используются как повод адресовать некоторую общественно-значимую проблему, например, загрязнение воздуха.

В то же время подготовка коллективных форм документации часто сама нуждается в институциональной поддержке, поскольку связана со значительными затратами «на труд, экспертизу и инфраструктуру для такого картографирования.

В качестве примера хочу упомянуть художественно-исследовательский проект Exposing.ai Адама Харви и Жюли Лаплас. В нём авторы пытаются понять, как появляются и распространяются базы биометрических данных, которые используют для тренировки алгоритмов распознавания лиц. Среди прочего, Харви и Лаплас показывают, как за счёт формулировок лицензионных соглашений платформа Flickr стала поставщиком изображений лиц, загруженных на неё обычными пользователями. Знание о таких связях между Flickr и глобальной индустрией биометрических данных позволяет осмыслить то, в какие отношения нас включает пост с новой фотографией, размещённый на этой платформе.

Ещё одну иллюстрацию коллективных тактик такого типа представляют собой инициативы, документирующие датасеты. Тимнит Гебру и её коллеги считают, что в сообществе исследователей и практиков машинного обучения мало внимания уделяется достоверности данных, поэтому необходимо найти способ сблизить две группы — создателей датасетов и пользователей — через аккуратную рефлексию о сборе, распространении и поддержании датасета (Gebru et al., 2021). Для этого авторы предлагают ввести технические паспорта (datasheet), которые должны сопровождать датасеты. В таком документе должны содержаться ответы на вопросы о мотивации для создания датасета, его композиции, процессе сбора, обработке, очистке и разметке, распространении и поддержании.

К примеру, рассуждая о мотивации, стоящей за созданием датасета, Гебру и коллеги предлагают ставить следующие вопросы:

- С какой целью был создан набор данных? Была ли поставлена конкретная задача? Была ли какая-то лакуна, которую необходимо было заполнить? Пожалуйста, предоставьте описание.
- Кто создал набор данных (например, какая команда, исследовательская группа) и по поручению какой организации (например, компании, учреждения, организации)?
- Кто финансировал создание набора данных? Если имеется соответствующий грант, укажите имя грантодателя, название и номер гранта.
- Добавьте любые другие комментарии

Хотя эта и похожие инициативы по созданию технических паспортов для датасетов исходят из беспокойства исследователей и практиков в области компьютерных наук, они имеют и этическую значимость. С одной стороны, эти процессы позволяют культивировать сомнение как важную составляющую этических беспокойств о данных, подчёркивая природу их происхождения. С другой — такая документация позволяет лучше увидеть, результатом каких отношений стали датасеты, а значит, способствует рефлексии о том, хотим ли мы их поддерживать в будущем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этом тексте я хотел показать интеллектуальные и практические возможности для этики данных, не предполагающей заготовленные и универсальные стандарты для вынесения нормативных суждений. Я хотел выдвинуть понимание этики как проекта по документации того, как данные меняют наши отношения с собой и другими.

Чтобы подступиться к такой задаче, нужно вспомнить о том, что данные не падают к нам с небес. Данные как-то появляются и куда-то движутся — это путешествие, в котором им помогает множество сообщников. Называя нечто данными, мы риторически собираем из единичностей множество, которое должно стать для нас самоочевидным.

Здесь и необходимо сомнение, которое открывает область смыслов, где данные предстают не объектом, а отношением — риторическая сборка единичностей во множество и результат распределённого труда. Сомнение в бесшовности двойной операции, благодаря которой данные скрывают своё происхождение, становится новой точкой опоры этических беспокойств. В этот момент характер работы данных как отношения становится более отчётливым, и как следствие, становится несколько сложнее говорить о данных так, как если бы они были самой природой.

Эти теоретические рассуждения имеют и практическое измерение. Я предлагаю ряд индивидуальных и коллективных тактик, которые позволят точнее задать координаты

для этической и критической рефлексии о жизни с данными. Документирование того, как данные появляются и путешествуют в разных сферах, позволит увидеть, что они представляют собой результат человеческого труда — и подтолкнёт к размышлениям о будущем. Насколько те траектории, частью которых становятся данные, и отношения, образуемые благодаря и вопреки им, желательны для связанных с ними индивидов и коллективов? Надеюсь, предлагаемый мной взгляд на этику данных как картографию поможет в поиске ответов на этот вопрос.

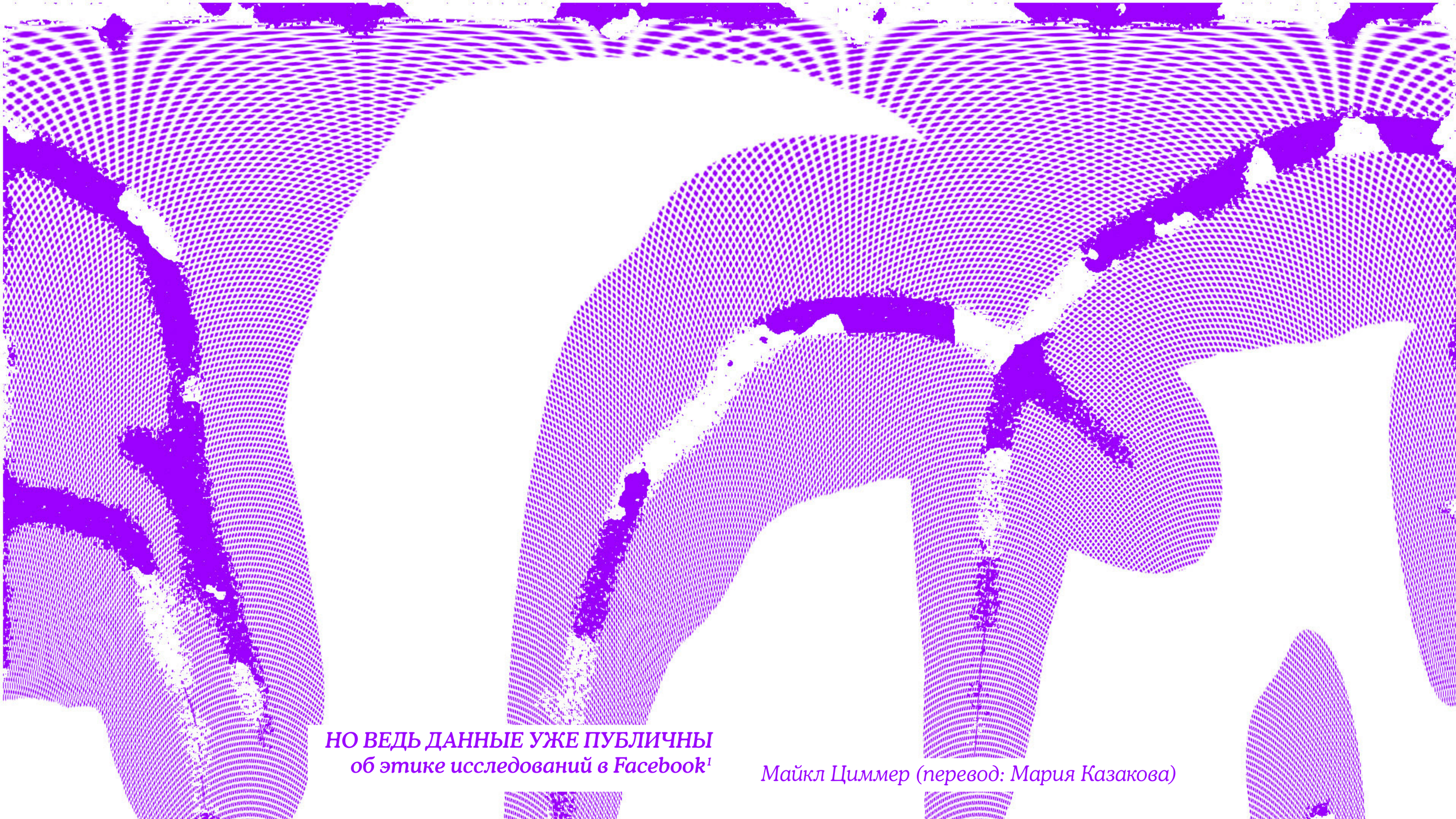
БИБЛИОГРАФИЯ:

- Фуко, М. (2008). О генеалогии этики: обзор текущей работы. Логос, 65(2), 135-158.
- Bates, J., Lin, Y. W., & Goodale, P. (2016). Data journeys: Capturing the socio-material constitution of data objects and flows. Big Data & Society, 3(2), 1-12. https://doi.org/10.1177/2053951716654502
- Gebru, T., Morgenstern, J., Vecchione, B., Vaughan, J. W., Wallach, H., Iii, H. D., & Crawford, K. (2021). Datasheets for datasets. Communications of the ACM, 64(12), 86-92.
- Koopman, C. (2019). How We Became Our Data. University of Chicago Press.
- Leonelli, S. (2015). What counts as scientific data? A relational framework. Philosophy of Science, 82(5), 810-821.
- Lupton, D. (2015). Digital Sociology. Routledge.
- Mauthner, N. S. (2019). Toward a posthumanist ethics of qualitative research in a big data era. American Behavioral Scientist, 63(6), 669-698.
- Rosenberg, D. (2013). Data Before Fact. In L. Gitelman (Ed.), «Raw data» is an oxymoron (pp. 15–41). The MIT Press.
- Strasser, B. J., & Edwards, P. N. (2017). Big data is the answer… But what is the question?. Osiris, 32(1), 328-345.

ВОПРОСЫ К ТЕКСТУ:

а) Смущает ли вас самих слово этика применительно к разговорам о данных и технологиях? Стоит ли на ваш взгляд пытаться придать ему какие-то иные смыслы или лучше говорить о чём-то ещё, например, о политике данных?

б) Если вы сами работаете с данными, то попробуйте картографировать их происхождение. Как они были собраны, какой труд был в это вложен, какие ещё люди и для чего их использовали? Если вы сами не работаете с данными, то вы можете проделать это упражнение с любым набором данных, который кажется вам по каким-то причинам важным.



НО ВЕДЬ ДАННЫЕ УЖЕ ПУБЛИЧНЫ
об этике исследований в Facebook[1]

Майкл Циммер (перевод: Мария Казакова)

МАЙКЛ ЦИММЕР[2]

PhD, исследователь конфиденциальности и этики данных, доцент Департамента компьютерных наук в университете Маркетт и директор Центра по вопросам данных, этики и общества в г. Милуоки, штат Висконсин, США.

Это сокращённая версия статьи. Полная версия находится здесь: https://docs.google.com/document/d/1_ISnhUUU9E-ft74V4yxzCVOsEQLThn5NdQBeE8Ie6FM

[1] *Прим. ред.* Корпорация Meta Platforms, которой принадлежит Facebook, признана на территории РФ экстремистской организацией. Деятельность платформы запрещена согласно решению Тверского районного суда Москвы по делу № 02-2473/2022.

[2] *Прим. автора* Контакты: M. Zimmer. School of Information Studies, University of Wisconsin-Milwaukee, 656 Bolton Hall, 3210 N. Maryland Ave, Milwaukee, WI 53211, USA. E-mail: zimmerm@uwm.edu.

АННОТАЦИЯ

В 2008 году группа исследователей опубликовала данные из Facebook-аккаунтов студентов одного из американских университетов. Несмотря на искренние попытки исследователей сохранить в тайне название учреждения, источник данных был быстро идентифицирован и конфиденциальность студентов оказалась под угрозой. На примере этого инцидента в статье описаны:

- этические проблемы, которые необходимо решить перед проведением будущих исследований на материале сайтов социальных сетей;
- стратегии анонимизации данных перед публикацией;
- релевантный опыт институциональных наблюдательных советов по оцениванию исследовательских проектов, основанных на данных из социальных сетей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Этика исследований / Социальные сети / Facebook / Конфиденциальность[3] / Анонимность

ВВЕДЕНИЕ

В сентябре 2008 года группа исследователей опубликовала данные из Facebook-аккаунтов когорты[4] студентов. Публикация под заголовком *«Вкусы, связи, времена» («T3: Tastes, Ties, and Time»)* сопровождалась сообщением, где подчёркивалась уникальность данных: *«Датасет состоит из машиночитаемых файлов, содержащих почти всю информацию из 1 700 [Facebook] профилей студентов одного из северо-восточных американских университетов. Выборка профилей обновлялась раз в год, начиная с 2006 года. Первая волна охватила профили студентов-первокурсников, позже выборку пополнили ещё три волны сбора данных — по одной на каждый год обучения в университете. Хотя информация о дружеских связях вне группы в датасет не входит, документация университетской жизни целого класса на протяжении четырёх лет, а также данные о месте проживания студентов на территории кампуса, позволяют поставить вопрос об отношениях между социальными сетями[5] — как онлайн, так и офлайн».*[6]

Осознавая проблемы конфиденциальности, сопутствующие сбору и публикации данных из социальных сетей,

[3] *Прим. пер.* В оригинальном тексте указано слово “privacy”. На русский язык его переводят и как «приватность», и как «конфиденциальность», однако между этими терминами есть разница. «Приватность» подразумевает возможность человека контролировать неприкосновенность своей частной жизни и самостоятельно определять границы доступной информации. «Конфиденциальность» касается защиты персональных данных другими физическими и юридическими лицами, то есть относится к мерам, которые другие люди и компании предпринимают, чтобы ваша приватность не была нарушена. В этой статье речь идёт именно о конфиденциальности.

[4] *Прим. пер.* Демографическая когорта — совокупность людей, у которых в один и тот же период произошло определённое демографическое событие (например, группа лиц, вступивших в брак в течение календарного года). Источник: Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2016); https://bigenc.ru/economics/text/2077352 (Дата обращения: 12.03.2022.).

исследовательская группа проекта Т3 предприняла ряд мер для защиты личности пользователей, в частности:

- Из датасета были удалены имена и идентификационные номера студентов;
- сведения о культурных интересах студентов были опубликованы позже;
- другие исследователи обязаны были принять *«Положениями и условиями использования»* датасета;
- был введён запрет на различные способы использования данных, которые могли бы скомпрометировать конфиденциальность студентов;
- исследования на основе этих данных можно было провести только после проверки институционального наблюдательного совета.[7]

Несмотря на эти меры и заявления исследователей проекта Т3 о том, что *«вся информация, позволяющая идентифицировать человека, была удалена или зашифрована»*,[8] название вуза-источника данных было быстро раскрыто. Оказалось достаточно общедоступного описания переменных датасета и других публичных комментариев об исследовательском проекте, чтобы сузить поиск *«анонимного северо-восточного американского университета»* до 13 потенциальных вузов[9], а затем остановить свой выбор на Гарвард-колледже[10]. Это напоминает случай с поисковой системой AOL[11]: после того как в сети появились анонимизированные данные с историей поисковых запросов, пользователей удалось с лёгкостью идентифицировать[12]. Реидентификация вуза-источника данных для Т3-датасета в очередной раз показывает, насколько хрупка предполагаемая конфиденциальность исследуемых субъектов[13].

Опираясь на кейс с публикацией данных из проекта Т3, в этой статье мы рассмотрим многочисленные концептуальные лакуны, связанные с оценкой рисков нарушения конфиденциальности в исследовательских проектах. Мы также сформулируем ряд этических вопросов, на которые рекомендуем обратить внимание, прежде чем приступать к исследованию, где данные из социальных сетей будут использоваться аналогичным образом. Среди таких вопросов можно выделить следующие:

- Какие существуют вызовы, ставящие под сомнение традиционное

[5] *Прим. пер.* В английском языке словосочетание «социальная сеть» (“social network”) означает граф связей между людьми (даже вне интернета). Для приложений и сайтов, таких как ВКонтакте или ТикТок, используется другой термин — «платформы для формирования социальных сетей» (“social networking app/ platform”). Для графов связей между людьми на таких платформах используется термин «онлайн социальная сеть» (“online social network”). В русском языке понимание социальной сети как графа интерперсональных связей чаще всего используется в научном контексте, в то время как в обиходе мы называем «социальными сетями» сайты и приложения. В данной статье термин «социальная сеть» сочетает все три значения.

[6] N.A. (2008). Tastes, Ties, and Time: Facebook data release. Berkman Center for Internet & Society Retrieved September 30, 2008, from http://web.archive.org/web/20090802234729/http://cyber.law.harvard.edu/node/4682.

[7] Lewis, K. (2008). Tastes, Ties, and Time: Cumulative codebook, pp. 28–29. Retrieved September 30, 2008, from http://dvn.iq.harvard.edu/dvn/dv/t3.

[8] Там же, стр. 30.

[9] Zimmer, M. (2008b). On the ‘‘Anonymity’’ of the Facebook dataset. michaelzimmer.org Retrieved September 30, 2008, from http://michaelzimmer.org/2008/09/30/on-the-anonymity-of-the-facebook-dataset/.

[10] Zimmer, M. (2008a). More on the ‘‘Anonymity’’ of the Facebook dataset—It’s Harvard College. michaelzimmer.org Retrieved October 3, 2008, from http://michaelzimmer.org/2008/10/03/more-on-the-anonymity-of-the-facebook-dataset-its-harvard-college/.

[11] *Прим. пер.* В 2006 году американская интернет-компания AOL опубликовала выгрузку поисковых запросов. Хотя пользователи не были идентифицированы напрямую, в самих запросах содержалась чувствительная информация, из-за чего личности некоторых пользователей были рассекречены. Компания AOL удалила файл в течение нескольких дней, однако копии данных доступны до сих пор. Наибольший резонанс вызвал пользователь №927, чьи запросы варьировались от незабудок и орхидей-бабочек до девиантных жанров порно. По мотивам истории поиска пользователя №927 в Филадельфии был поставлен спектакль. Авторы постановки попытались понять, действительно ли мы являемся тем, что ищем в интернете.

[12] *Прим. пер.* Иными словами, удалось установить, какому человеку (как физическому лицу) принадлежат определённые данные.

[13] *Прим. автора* Хотя ни один человек из Т3-датасета не был точно определён (впрочем, автор и не пытался восстановить их личности), обнаружение вуза-источника в разы облегчает персональную реидентификацию, в какой-то степени даже делает её банальной, как описано ниже.

понимание принципа согласия?

- Как корректно оценить и соблюсти ожидания по защите конфиденциальности персональных данных в социальных сетях?
- Как разработать эффективные стратегии по анонимизации персональных данных перед их открытой публикацией?
- Каким опытом должны обладать члены институционального наблюдательного совета для оценивания исследовательских проектов, которые основаны на данных, полученных из социальных сетей?

ПРОЕКТ *«ВКУСЫ, СВЯЗИ, ВРЕМЕНА»*

Осознавая ограниченность данных как проблему, с которой обычно сталкиваются социологические исследования динамики социальных сетей, группа ученых из Гарвардского университета и Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе решила создать более продуманный и надёжный датасет, который бы в полной мере задействовал обширные данные[14]. В качестве источника данных исследователи решили выбрать социальную сеть Facebook — ввиду её популярности — и отыскали университет, который разрешил им скачать Facebook-профили всех первокурсников: *«Получив разрешение от Facebook и вуза, о котором идёт речь, в первый раз мы подключились к Facebook 10 и 11 марта 2006 года и скачали профили и данные о социальных связях, предоставленные одной группой студентов. Эта выборка — студенты-первокурсники, поступившие в 2009 году в частный университет в северо-восточной части США, где учатся различные этносоциальные группы — показала высокую степень активности в Facebook: на момент скачивания данных у 97,4% студентов-первокурсников были профили в Facebook, а 59,2% из них хотя бы раз обновили свой профиль за последние пять дней»*[15].

[14] *Прим. автора* Исследовательская группа включала в себя профессоров Гарвардского университета Джейсона Кауфмана и Николаса Христакиса, профессора Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе Андреаса Виммера и аспирантов департамента социологии Гарварда Кевина Льюиса и Марко Гонзалеза.

Первая волна сбора данных прошла весной 2006 года, когда группа училась на первом курсе. Сбор данных повторялся ежегодно до 2009 года, когда большинство студентов из исследуемой группы должны были выпуститься, то есть в общей сложности ученые получили данные о пользовательской активности в социальной сети за четыре года. Кроме того, университет предоставил данные об официальном месте проживания каждого студента, что позволило исследователям *«связать интернет-пространство с реальным пространством»*.[16]

Уникальность и ценность этого датасета очевидны для социологов и интернет-исследователей. Данные были извлечены из социальной сети Facebook, минуя непосредственную коммуникацию с субъектами и использование автобиографических инструментов, так как эти шаги

[15] Lewis, K., Kaufman, J., Gonzalez, M., Wimmer, A., & Christakis, N. (2008). Tastes, Ties, and time: A new social network dataset using Facebook. com. Social Networks, 30(4), p. 331.

[16] Kaufman, J. (2008a). Considering the sociology of Facebook: Harvard Research on Collegiate Social Networking [Video].: Berkman Center for Internet & Society.

могли бы исказить собранные данные. Датасет включал в себя демографические сведения, информацию о культурном бекграунде и социальных связях каждого субъекта, что позволило выйти за рамки простых методов скрейпинга[17]. Кроме того, на протяжении четырёх лет исследования в датасет включались обновлённые данные о месте проживания субъектов, чтобы можно было проанализировать наличие связей между *«близостью в пространстве, новыми соседскими и дружескими связями в группах в реальном мире и наличием этих двух типов взаимоотношений в Facebook-пространстве»*.[18] При этом датасет представлял группу студентов университета практически целиком, делая возможным уникальный анализ *«целостной социальной вселенной»*.[19] Не менее важно, что данные отражали многолетние наблюдения, благодаря чему можно было изучать, как с течением времени меняется одна социальная сеть.

Этот уникальный датасет открывал возможности для целого ряда исследовательских проектов, которые ранее было слишком сложно или невозможно реализовать. Один из исследователей проекта *«Вкусы, связи, времена»* отметил: *«Мы находимся на передовой нового пути создания социальной наукой... Наши предшественники могли только мечтать о том виде данных, которые теперь есть у нас руках»*.[20]

[17] *Прим. пер.* Скрейпинг — автоматизированный сбор информации с веб-страниц.

[18] Kaufman, J. (2008a). Considering the sociology of Facebook: Harvard Research on Collegiate Social Networking [Video].: Berkman Center for Internet & Society.

[19] Там же

[20] Цитата Николаса Христакиса, указанная в Rosenbloom, S. (2007). On Facebook, scholars link up with data. New York Times Retrieved September 30, 2008, from http://www.nytimes.com/2007/12/17/style/17facebook.html?ref=us.

ПУБЛИКАЦИЯ ДАТАСЕТА

Финансирование проекта *«Вкусы, связи, времена»* частично опиралось на грант от Национального научного фонда[21], который обязывал получателей обеспечивать коллективный доступ к некоторому объёму данных[22]. В итоге, Facebook-датасет выкладывали в публичный доступ поэтапно, в целом повторяя порядок сбора данных: первая волна — в сентябре 2008, вторая — осенью 2009, третья — осенью 2010 и четвёртая — осенью 2011.[23]

Первая волна, включавшая в себя *«машиночитаемые файлы, содержащие почти всю информацию из 1 700 Facebook-профилей студентов анонимного северо-восточного американского университета»*, стала доступна 25 сентября 2008 года.[24]

Потенциальные пользователи должны были составить краткую заявку с детальным описанием того, что они собираются делать с данными, а доступ предоставлялся по усмотрению исследовательской группы. Также, чтобы получить доступ к датасету, учёные должны были согласиться с *«Положениями и условиями использования»* и тем самым выразить добровольное согласие с различными правилами лицензирования, использования и атрибуции данных.

[21] *Прим. автора* См. ‘‘Social Networks and Online Spaces: A Cohort Study of American College Students’’, награда #0819400, http://www.nsf.gov/awardsearch/showAward.do?AwardNumber=0819400.

[22] *Прим. автора* См. соответствующие Общие условия грантов Национального научного фонда (GC-1), раздел 38. Распространение и совместное использование результатов, данных и других продуктов исследования (http://www.nsf.gov/publications/pub_summ.jsp?ods_key=gc109).

[23] Lewis, K. (2008). Tastes, Ties, and Time: Cumulative codebook. p.3.

[24] *Прим. автора* Датасет архивирован в проекте Dataverse Network Института количественных социальных наук Гарвардского университета (http://dvn.iq.harvard.edu/dvn/).

Кодбук, то есть брошюру с исчерпывающим описанием переменных датасета, можно было свободно скачать, не составляя заявку. В кодбуке содержались детальные описания и информация о частотности различных элементов данных, в том числе гендере, расе, этничности, штат, в котором человек родился, политических взглядах и специальности в вузе. Например, из кодбука можно было узнать, что в датасете содержалась информация о 819 мужчинах и 821 женщинах. Также раскрывалась этническая самоидентификация пользователей: один албанец, два армянина, три болгарина, девять канадцев и так далее.

Помимо этого, кодбук включал в себя описание мер, предпринятых исследователями Т3, чтобы защитить конфиденциальность персональных данных пользователей: *«Все данные собраны с разрешения исследуемого вуза, Комитета по проведению исследований с людьми в качестве испытуемых*[25]*, а также Facebook.com. В соответствии с договорённостями, достигнутыми между авторами и Комитетом по проведению исследований с людьми в качестве испытуемых, мы предприняли ряд предосторожностей, чтобы гарантировать, что личность и конфиденциальность студентов в этом исследовании останутся под защитой. Собраны только те данные, которые были доступны каждому научному ассистенту по умолчанию; ни с одним из студентов не связывались для получения дополнительной информации. Вся информация, с помощью которой можно идентифицировать человека, была удалена или зашифрована сразу после скачивания данных. Реестр имён студентов и идентификационных номеров хранится на безопасном локальном сервере, доступ к которому есть только у авторов этого исследования. Этот реестр будет немедленно ликвидирован, как только последняя волна собранных данных будет обработана. Полный набор кодов культурных предпочтений составляет нечто вроде «культурного отпечатка пальца» для многих студентов, потому они будут опубликованы позже основной части данных, чтобы личности студентов остались неизвестными. Наконец, для того, чтобы получить доступ к любой части датасета, потенциальные пользователи должны прочитать и подписать электронным способом [а] пользовательское соглашение…»*[26]

Меры по удалению информации, с помощью которой можно идентифицировать человека, показывают: исследователи Т3 осознавали, что публикация настолько полного набора данных из Facebook неизбежно повлечёт за собой вопрос о конфиденциальности персональных данных, и были этим глубоко им обеспокоены. По словам ведущего исследователя проекта Джейсона Кауфмана, учёные поставили себе цель *«вычистить все данные настолько, чтобы опознать по имеющимся данным реальную личность было невозможно»*.[27] К сожалению, исследователи Т3 были слишком оптимистичны.

[25] *Прим. пер.* В оригинале: Committee on the Use of Human Subjects.

[26] Lewis, K. (2008). Tastes, Ties, and Time: Cumulative codebook. p. 29.

[27] Kaufman, J. (2008a). Considering the sociology of Facebook: Harvard Research on Collegiate Social Networking [Video].: Berkman Center for Internet & Society.

ЧАСТИЧНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ И СНЯТИЕ ДАТАСЕТА С ПУБЛИКАЦИИ

Осознавая тревогу, связанную со сбором и публикацией персональных данных из Facebook-профилей студентов, исследователи — из лучших побуждений — пытались разными способами защитить конфиденциальность субъектов. Например, учёные потребовали ввести проверку институционального наблюдательного совета, удалили имена студентов и их идентификационные номера из датасета, отложили публикацию культурных интересов субъектов и обязали других исследователей подписать соглашение с *«Положениями и условиями использования»*, где запрещались любые попытки реидентифицировать субъектов, раскрыть личности тех, кого реидентифицировали непреднамеренно, или поставить под угрозу конфиденциальность субъектов любым иным способом.

Тем не менее, все попытки исследователей гарантировать, что *«данные вычищены настолько, что установить чью-либо личность по этим материалам невозможно»*, провалились. 29 сентября 2008 года, спустя всего четыре дня после публикации первой части данных, Фред Штуцман, аспирант Школы библиотечных и информационных наук Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле, поставил под сомнение веру исследователей в неидентифицируемость датасета: *«“Неидентифицируемость” подобного датасета — это дискуссионный вопрос. Сеть дружеских связей может рассматриваться как своеобразный отпечаток пальца. Существование двух абсолютно одинаковых списков друзей маловероятно, а это значит, что личности субъектов, чьи данные оказались в датасете, можно будет восстановить постфактум… Более того, авторы датасета планируют в 2011 году опубликовать данные о страницах, которые студенты добавляли в “Избранное”, таким образом открывая ещё больше информации, которая позволила бы идентифицировать пользователей»*.[28]

В комментариях к посту Фреда Штуцмана в его блоге Эстер Харгиттай, доцент кафедры Коммуникационных исследований Северо-Западного университета в Иллинойсе, выразила схожие опасения: *«Мне кажется, сложно представить, что анонимность кого-либо из участников исследования не будет нарушена. Начнём с того, что некоторые национальности представлены только одним человеком. Другая проблема состоит в том, что конкретный список специальностей позволяет достаточно легко определить, студенты какого учебного заведения стали участниками выборки. Если соединить эту информацию как кусочки пазла, легко представить как разнообразные идентичности станут довольно очевидными, как минимум для некоторых людей». (Харгиттай, 2008)*

Штуцман и Харгиттай оба разделяют страх того, что Facebook-датасет, который сами исследователи считали анонимизированым, после открытой публикации может

[28] Stutzman, F. (2006). How Facebook broke its culture. Unit Structures Retrieved 2008, October 3, from http://chimprawk.blogspot.com/2006/09/how-facebook-broke-its-culture.html (ссылка не работает).

быть частично реидентифицирован. Опасение Штуцмана о том, что уникальность социальных графов в большом датасете можно использовать для идентификации отдельных личностей, многократно оправдывалось на практике (например, см. работы Нараянана и Шматикова[29 30]). Харгиттай предположила, что из-за уникальности некоторых элементов идентификация источника данных — а следовательно, и некоторых отдельных людей — превращается в пустяковое дело. И страхи Харгиттай были не напрасны.

[29] Narayanan, A., & Shmatikov, V. (2008). Robust de-anonymization of large sparse datasets. Paper presented at the IEEE Symposium on Security and Privacy, 2008.

[30] Narayanan, A., & Shmatikov, V. (2009). De-anonymizing social networks. Paper presented at the 30th IEEE Symposium on Security and Privacy.

[31] Zimmer, M. (2008a). More on the ''Anonymity'' of the Facebook dataset—It's Harvard College. michaelzimmer.org.

[32] Zimmer, M. (2008b). On the ''Anonymity'' of the Facebook dataset. michaelzimmer.org.

[33] Там же

Частичная идентификация

Всего спустя несколько дней с момента публикации Т3-датасета стало ясно, что источником информации был Гарвард-колледж[31 32]. Пожалуй, больше всего поражал тот факт, что для идентификации источника Facebook-данных даже не нужен был полный доступ к датасету. Чтобы быстро сузить диапазон поиска данных из 2000 потенциальных колледжей и университетов до списка из всего семи вузов, оказалось достаточно иметь перед глазами общедоступный кодбук с описанием переменных датасета, а также сопоставить между собой разные публичные комментарии об исследовании[33]. Из кодбука стало известно, что источником данных выступило частное образовательное учреждение с совместным обучением[34], где на потоке в 2009 году было 1640 студентов. В некоторых местах упоминалось, что учебное заведение располагалось в регионе Новая Англия. Поиск по онлайн базе данных колледжей[35] показал всего семь частных колледжей с совместным образованием в штатах Новой Англии (Коннектикут, Мэн, Массачусетс, Нью-Гэмпшир, Род-Айленд и Вермонт), где общее число студентов находилось в диапазоне от 5000 до 7500 человек (это вероятностный диапазон для вуза, где на первый курс зачислено 1640 студентов): университет Тафтса, Саффолкский, Йельский, Хартфордский и Квиннипэкский университеты, университет Брауна и Гарвард-колледж.

[34] *Прим. пер.* «Совместное обучение» означает, что в школе или вузе девушки и юноши учатся вместе. «Раздельное обучение», напротив, предполагает, что в заведении учатся либо только девушки, либо только юноши. Изначально в Гарвард-колледже обучались лишь мужчины, образование стало совместным в 1946 году. В контексте этой статьи подчёркивание совместного обучения означает, что в датасете был отражён пол субъектов — и это позволило исключить из поиска образовательные учреждения с раздельным обучением.

[35] *Прим. автора* College Board, http://www.collegeboard.com.

[36] Kaufman, J. (2008b). I am the Principal Investigator… [Blog comment]. On the ''Anonymity'' of the Facebook dataset Retrieved September 30, 2008, from http://michaelzimmer.org/2008/09/30/on-the-anonymity-of-the-facebook-dataset/.

Ведущий исследователь проекта Т3 Джейсон Кауфман быстро отреагировал на публичное заявление об этом факте и на общую критику, касавшуюся способов защиты конфиденциальности пользователей. Веротяно, чтобы оправдать то количество информации, которое содержалось в опубликованном датасете, он отметил: *«Мы социологи, а не технологи, и многое для нас в новинку; социологи обычно хотят как можно больше знать об участниках своего исследования».*[36] Затем он попытался развеять висевшую в воздухе тревогу по поводу конфиденциальности

персональных данных следующим комментарием: *«Для чего хакерам могла бы понадобиться эта информация, если предположить, что они смогут взломать данные и “увидеть” информацию с Facebook-страниц этих людей? Разве они не могли бы сделать всё то же самое напрямую через Facebook? В нашем датасете почти нет информации, которой бы не было в самом Facebook. (Очевидно, что фильтры приватности не являются преградой для тех, кто хочет их обойти)».*[37]

А затем: «У нас не было доступа ни к каким другим данным, кроме тех что и так выложены на Facebook. Мы ни с кем не проводили интервью, не просили ни у кого дополнительную информацию, не выкладывали информацию о пользователях в открытый доступ (правда, вы все указываете, что кто-то может приложить недюжинные усилия и взломать наш датасет — однако мы надеемся, что сделать это будет сложно)».[38]

Тем не менее, чтобы *«взломать»* датасет, *«недюжинные усилия»* не потребовались — это произошло уже на следующий день, и снова, доступа ко всему массиву данных у *«взломщиков»* не было.[39] Как прозорливо заметила Харгиттай, список специальностей, перечисленных в кодбуке, позволил окончательно идентифицировать вуз-источник.

[37] Там же

[38] Kaufman, J. (2008c). Michael—We did not consult… [Blog comment]. michaelzimmer.orgRetrievedSeptember 30, 2008, from http://michaelzimmer.org/2008/09/30/on-the-anonymity-of-thefacebook-dataset/. (ссылка не работает).

[39] Zimmer, M. (2008a). More on the ‘‘Anonymity’’ of the Facebook dataset—It’s Harvard College. michaelzimmer.org.

Только Гарвард-колледж предлагал обучение по таким специальностям из кодбука, как *«Ближневосточные языки и цивилизации»*, *«Исследования гендера и сексуальности»*, *«Органическая и эволюционная биология»*. Идентификация Гарвард-колледжа была позже подтверждена во время анализа видеопрезентации Кауфмана в июне 2008 года, где он упомянул, что *«в середине первого курса студентам нужно было выбрать от одного до семи лучших друзей»*, с которыми они в основном будут жить до конца обучения в бакалавриате.[40] Именно такой метод жилищного распределения студентов бакалавриата существует в Гарварде: все первокурсники, успешно сдавшие осеннюю сессию, могут принять участие в лотерее и назначить *«блоковую группу»* числом от 2 до 8 студентов, с которыми они хотели бы делить общежитие.[41]

Одним словом, источник Т3-датасета удалось определить с высокой степенью вероятности за довольно короткий промежуток времени, причём для этого даже не нужен был доступ к самому датасету. Хотя конкретных людей не опознали, лёгкость, с которой был идентифицирован вуза-источник данных, повлекла за собой опасение о недостаточной защищённости конфиденциальных данных студентов — особенно если учесть, что датасет был построен на сравнительно небольшой выборке и содержал в себе уникальные характеристики

[40] Kaufman, J. (2008a). Considering the sociology of Facebook: Harvard Research on Collegiate Social Networking [Video].: Berkman Center for Internet & Society.

[41] *Прим. автора* Этот способ описан на сайте Офиса Гарвард-колледжа по жилищным условиям http://www.orl.fas.harvard.edu/icb/icb.do?keyword=k11447&tabgroupid=icb.tabgroup17715 (ссылка не работает).

пользователей. Надежды исследовательской группы T3 на то, что для взлома датасета понадобятся *«недюжинные усилия»*, к сожалению, были чересчур оптимистичны.

Снятие датасета с публикации

Исследовательская группа T3 не стала публично отвечать на заявление о вероятной идентификации источника Facebook-датасета. Однако спустя неделю после этого на странице скачивания появилось сообщение о том, что датасет *«Вкусы, связи, времена»* изъят из публичного доступа — по крайней мере, на некоторое время: *«Заметка: Начиная с 10/8/08, потенциальные пользователи всё ещё могут подавать заявки [на доступ к датасету] и краткие описания своих исследований, но процесс их одобрения откладывается до дальнейшего уведомления. Мы приносим извинение за неудобство и благодарим за ваше терпение»*.[42]

Затем, в марте 2009 года, страница была обновлена: появилось сообщение, в котором говорилось, что датасет снят с публикации из-за обеспокоенности насчёт доступа к конфиденциальной информации студентов: *«ОБНОВЛЕНИЕ (3/19/09): Внутренние проверки практически подошли к концу, и мы надеемся, что сможем снова открыть доступ через 2-3 недели. До тех пор, пожалуйста, НЕ подавайте новые заявки на получение доступа к датасету, и пожалуйста, регулярно проверяйте эту страницу, чтобы увидеть финальное уведомление о дальнейшей судьбе публикации. Мы вновь приносим свои извинения за доставленные неудобства и благодарим вас за терпение и понимание: мы работаем над тем, чтобы датасет отвечал всем стандартам по защите конфиденциальности студентов»*.[43]

Спустя год после даты первой публикации датасет по-прежнему был не доступен; заинтересованных исследователей встречало следующее сообщение: *«ОБНОВЛЕНИЕ (10/2/09): T3-датасет всё ещё не доступен, так как мы предпринимаем дальнейшие шаги, чтобы обеспечить конфиденциальность студентов в датасете. Пожалуйста, зайдите на этот сайт через некоторое время для ознакомления с обновлениями — мы опубликуем уведомление, когда процесс раздачи датасета возобновится»*.[44]

По этим сообщениям об ограничении доступа к Facebook-датасету, *«чтобы удостовериться в том, что датасет отвечает всем стандартам по защите конфиденциальности студентов»*, можно предположить: догадка про Гарвард-колледж как источник данных оказалась верной, из-за чего исследовательская группа T3 была вынуждена пересмотреть свои внутренние процессы и процедуры.

[42] *Прим. автора* Скриншот http://dvn.iq.harvard.edu/dvn/dv/t3, снят 22 октября 2008 года, файл сохранён у автора.

[43] *Прим. автора* Скриншот http://dvn.iq.harvard.edu/dvn/dv/t3, снят 22 октября 2008 года, файл сохранён у автора. Веб-страница остаётся без изменений с 29 апреля 2009 года.

[44] *Прим. автора* Скриншот http://dvn.iq.harvard.edu/dvn/dv/t3, снят 1 ноября 2009 года, файл сохранён у автора. По данным на 29 мая 2010, сообщение всё ещё висит на странице.

НЕДОСТАТОЧНОСТЬ МЕР ПО ЗАЩИТЕ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В ПРОЕКТЕ Т3

Критический анализ методов исследовательской группы Т3 и решения о публикации датасета позволили обнаружить концептуальные лакуны в понимании конфиденциальности и анонимности в контексте социальных сетей.

Меры, предпринятые исследовательской группой Т3 для защиты конфиденциальности студентов, сводятся к следующему:

1. В датасет вошли только те данные, которые были доступны научным ассистентам по умолчанию; ни с кем из студентов не связывались для получения дополнительной информации.
2. Вся информация, которая позволяла идентифицировать студентов, была удалена или зашифрована сразу после скачивания данных.
3. Поскольку набор кодов культурных предпочтений участников исследования составлял своего рода *«культурный отпечаток пальца»*, его опубликовали со значительной задержкой, чтобы скрыть личности студентов.
4. Чтобы получить доступ к любой части датасета, потенциальные исследователи должны были согласиться с *«Положениями и условиями использования»*, которые запрещали любые попытки установить личности субъектов исследования, публичную огласку личностей, которых идентифицировали непреднамеренно, и любые другие действия, ставящие под угрозу конфиденциальность персональных данных участников выборки.
5. Весь исследовательский проект, в том числе описанные выше меры, прошёл проверку и был одобрен Гарвардским Комитетом по проведению исследований с людьми в качестве испытуемых.

Приведённые здесь меры доказывают, что исследователи добросовестно пытались защитить конфиденциальность персональных данных субъектов. Однако ограничения, стоящие за каждым из этих пунктов, демонстрируют неспособность исследователей полностью понять природу конфиденциальности в социальных сетях и выстроить методологию исследования соответствующим образом.

В случае с Т3 всё обстояло иначе: исследователи подключили к проекту научных ассистентов с профилями в социальной сети. Последние систематически заходили в Facebook-профили целой группы студентов и скачивали оттуда контент раз в год на протяжении четырёх лет. Исследователи были нацелены на изучение конкретной группы пользователей, ведь чтобы расширить возможности сбора данных представителей одной когорты, они получили у учебного заведения-источника список имён и электронных адресов студентов. Полученные данные включали в себя не только гендер и этническую принадлежность, которые студенты указывали у себя на страницах, но и такие характеристики, как родной штат, страна

происхождения, политические взгляды, сексуальные предпочтения, специальность в учебном заведении, культурные интересы и данные о межличностных взаимоотношениях — собрать подобные данные путём наблюдений на городской площади было бы значительно труднее. Само предположение исследователей о том, что эти два проекта схожи и процессуально, и в плане (минимальных) этических дилемм, обнажает существование опасной лакуны в их понимании конфиденциальности и этических последствий проекта.

ЭТИКА ПРОЕКТА *«ВКУСЫ, СВЯЗИ, ВРЕМЕНА»*

Представленное выше обсуждение неудовлетворительных попыток исследователей Т3 защитить конфиденциальность субъектов подчёркивает две этических проблемы, содержащиеся в проекте *«Вкусы, связи, времена»*: неспособность должным образом смягчить фактическое нарушение конфиденциальности персональных данных субъектов — и следовательно, неспособность соблюсти стандарты исследовательской этики.

Нарушения конфиденциальности

В текущем обсуждении перечислено несколько примеров, демонстрирующих систематические ошибки исследователей Т3, связанные с пониманием проблем конфиденциальности персональных данных. Чтобы конкретизировать, сгруппируем их по четырём ключевым аспектам нарушений конфиденциальности, опираясь на классификацию Смита и коллег[45] и на материалы из другой литературы о конфиденциальности:

1. объём собранной личной информации;
2. ненадлежащий доступ к личной информации;
3. несанкционированное вторичное использование личной информации;
4. ошибки в личной информации.

[45] Smith, H. J., Milberg, S. J., & Burke, S. J. (1996). Information privacy: Measuring individuals' concerns about organizational practices. MIS Quarterly, 20(2), 167–196.

[46] Smith, H. J., Milberg, S. J., & Burke, S. J. (1996). Information privacy: Measuring individuals' concerns about organizational practices. MIS Quarterly, 20(2), P. 172.

Структурировав таким образом аспекты нарушения конфиденциальности, рассмотрим обстоятельства публикации Т3-датасета и выделим этические недочёты, существующие во всём проекте.

Объём собранной личной информации

Нарушения конфиденциальности могут возникнуть, когда *«обширные объёмы соотносимой с личностью информации собирают и хранят в базах данных»*.[46] Примечательно, что сама идея проекта *«Вкусы, связи, времена»* базируется на обширном сборе персональных данных. Проект систематически и регулярно в течение четырёх лет собирал огромный объём личной информации про более 1,5 тысяч студентов. Отдельные фрагменты данных, которые субъект мог со временем добавлять или

изменять на своей Facebook-странице, собирали в единой базе данных, сопоставляли с данными о жилищном распределении из внешнего источника, а затем сравнивали с другими файлами из датасета.

Ненадлежащий доступ к личной информации

Нарушения конфиденциальности могут возникнуть, когда информация о физических лицах легкодоступна людям, которые не получали разрешение на доступ к информации надлежащим образом или же имеют недостаточно прав для доступа к определённой информации. Как было описано выше, у студентов была технологическая возможность предоставлять доступ к информации своего профиля только сообществу Гарварда, за счёт чего для всего остального мира эти данные становились невидимыми. Однако исследователи T3 привлекли к работе научных ассистентов, включённых в сообщество Гарварда, и тем самым — намеренно или нет — могли обойти это ограничение доступа и включить в датасет информацию о субъектах с закрытыми профилями наряду с данными из открытых профилей.

Далее, от субъектов исследования не получали специального разрешения; исследователи просто решили, что информация профилей субъектов находится в свободном доступе, и потому, её можно собирать и исследовать. В действительности, сами студенты, вероятно, придерживались иных ожиданий и желаний относительно доступности собственных данных и их сбора в исследовательских целях. В совокупности эти два фактора показывают, что нарушение конфиденциальности в проекте T3 произошло из-за ненадлежащего доступа.

Несанкционированное вторичное использование

Несанкционированное вторичное использование персональной информации описывает опасение о том, что информация, собранная с одной целью, может быть использована для другой, вторичной цели — без разрешения самого владельца данных, в результате чего чего субъект теряет контроль над персональной информацией. Согласно концепции Смита и коллег[47], потеря контроля над персональной информацией считается нарушением конфиденциальности. В проекте T3 можно выделить как минимум два случая несанкционированного вторичного использования персональной информации. Во-первых, чтобы упростить сбор и обработку данных, исследователи T3 запросили и получили информацию о местах проживании студентов и их личные электронные адреса. Изначально университет собирал эту информацию для выполнения различных административных задач, а не для вторичного использования — например, чтобы помочь исследователям в поиске Facebook-профилей студентов. Во-вторых, по своей природе такие действия, как сбор информации из

[47] Smith, H. J., Milberg, S. J., & Burke, S. J. (1996). Information privacy: Measuring individuals' concerns about organizational practices. MIS Quarterly, 20(2), 167–196.

Facebook-профилей, её агрегирование[48] и публикация с возможностью скачивания, развязывают руки для дальнейшего использования данных во вторичных целях без согласия самих студентов. Платформа Facebook открыла данные, чтобы помочь друзьям и коллегам организовать свои социальные сети, а не для того, чтобы поставлять кормовой материал для академических исследований. Без специального на то разрешения сбор и публикация данных из Facebook однозначно влечёт за собой несанкционированное вторичное использование.

[48] *Прим. пер.* В контексте программирования, сбор и агрегирование — не синонимы. Сбор — это просто скачивание данных, а агрегирование — сортировка собранных данных и сопоставление объектов с их характеристиками (например, «Человеку A соответствуют пол X, этничность Y и интерес Z»).

[49] *Прим. автора* Например, см. Принципы добросовестного использования информации Федеральной торговой комиссии США, в которых «Доступ» включён в ключевые положения и предоставляет субъектам данных возможность просмотреть и опровергнуть некорректные или неполные данные: http://web.archive.org/web/20080304025220/https://www.ftc.gov/reports/privacy3/fairinfo.shtm.

Ошибки в личной информации

Наконец, нарушения конфиденциальности могут быть результатом возможных ошибок в датасетах. Этот факт привёл к появлению разнообразных регламентов, которые позволяют физическим лицам просматривать и редактировать собранные о них данные — тем самым какой-либо риск нарушения конфиденциальности минимизируется.[49] В проекте T3 субъектам не сообщили о сборе данных и не предоставили доступ к информации для исправления ошибок или удаления нежелательной информации.

Стандарты этичных исследований

Взгляд на проблемы публикации T3-датасетов через призму концепции нарушений конфиденциальности Смита и коллег[50] помогает нам выявить этические лакуны, существующие в проекте. В свою очередь, наша критика проекта T3 проливает свет на многочисленные нарушения стандартов этичного проведения исследований. Если бы эти стандарты были соблюдены, нарушений конфиденциальности удалось бы избежать.

[50] Smith, H. J., Milberg, S. J., & Burke, S. J. (1996). Information privacy: Measuring individuals' concerns about organizational practices. MIS Quarterly, 20(2), 167–196.

[51] *Прим. автора* См. Часть 46 Защита людей в качестве испытуемых Раздела 45 Общественное благосостояние Свода федеральных нормативных актов США по адресу http://web.archive.org/web/20050308031839/http://www.hhs.gov/ohrp/humansubjects/guidance/45cfr46.htm.

Этические проблемы при проведении исследований с людьми в качестве испытуемых привлекают много внимания. Особенно пристальным это внимание становится в процессе рецензирования, когда Институциональные наблюдательные советы для защиты людей в качестве испытуемых (ИНС) изучают соответствие исследования федеральным нормативным актам.[51] Эти регламентирующие нормы сосредоточены на таких вопросах исследовательской этики, как безопасность субъектов, информированное согласие, приватность и конфиденциальность. Общепринятые стандарты были применены конкретно к исследованиям интернета и сбору данных. К примеру, Ассоциация исследователей интернета (AoIR) выпустила онлайн-набор рекомендаций по этике проведения исследований (см. Эсс и AoIR,

рабочий комитет по этике[52]), в котором значительное внимание уделено информированному согласию и соблюдению ожиданий от взаимодействий между исследователями и респондентами в рамках проводимого исследования.

[52] Ess, C., & AoIR ethics working committee. (2002). Ethical decision-making and Internet research. Retrieved March 12, 2010, from http://www.aoir.org/reports/ethics.pdf.

Как было замечено выше, исследователи T3 не получали информированного согласия от субъектов данных (Институциональный наблюдательный совет также не запрашивал их согласия). Далее, как детально описано выше, исследователям не удалось соблюсти вероятные ожидания субъектов по поводу доступности и предназначения их информации из Facebook-профилей. Возможно, пользователи были твёрдо уверены в том, что выложенная на Facebook информация останется внутри социальной сети, или верили в то, что доступ к данным открыт исключительно для членов социальной сети Гарварда. Исследователям не удалось оправдать эти ожидания — а значит, они не выполнили свои обязанности по соблюдению этики проекта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обстоятельства публикации Facebook-данных в проекте *«Вкусы, связи, времена»* — включая методологию, одобрение ИНС, способ публикации данных и публично высказанные исследователями точки зрения — отражают значительные концептуальные лакуны в понимании проблем, связанных с конфиденциальностью персональных данных, которые может повлечь за собой исследование социальных сетей. В результате, угрозы конфиденциальности исследуемых субъектов сохраняются, несмотря на искренние попытки исследовательской группы T3 их избежать.

Цель этого критического анализа проекта T3 не в том, чтобы возложить вину на исследователей или найти козла отпущения, а в том, чтобы на примере этого проекта продемонстрировать новые вызовы при проведении исследований социальных сетей. Эти вызовы включают в себя:

- Осуществление на практике существующего принципа согласия;
- корректную оценку и соблюдение ожиданий по защите конфиденциальности в социальных сетях;
- разработку эффективных стратегий по анонимизации перед открытой публикацией персональных данных;
- релевантный опыт членов институционального наблюдательного совета для оценивания исследовательских проектов, основанных на данных из социальных сетей.

Из позиции некоторых исследователей группы T3 следует, что команда считает применённые ими методы сбора данных непроблематичными, так как *«информация уже была в Facebook»*. Будущим исследователям стоит детальнее разобраться в контекстуальной природе согласия в данных сферах[53 54 55] и принять тот факт, что наличие личной информации в какой-либо форме в социальной сети не даёт карт-бланш на сбор и публикацию

этой информации в общедоступном формате.[56 57 58 59] Также следует подробнее изучить само понятие согласия в контексте разглашения личной информации из социальных сетей, особенно в свете контекстуального понимания того, по каким законам производится распространение информации в конкретных сферах. Кейс Т3 показывает, что мы всё ещё не усвоили урок по мотивам публикации данных AOL и схожих случаев, когда датасеты, которые считались анонимизированными, были реидентифицированы. Наконец, изучение этого примера позволило нам выявить недочёты в осуществлении надзорных функций институциональными наблюдательными советами — ведомствами, которые были созданы, чтобы нести ответственность за защиту прав субъектов данных.

Справиться с этими вызовами и концептуальной путаницей — непростая задача, однако три шага можно предпринять уже сейчас, чтобы направить будущих исследователей социальных сетей. Во-первых, учёные, приступающие к проведению схожего с Т3 исследования, должны увидеть лакуны в собственном понимании меняющейся природы конфиденциальности и осознать сложности анонимизации датасетов. Они также должны стремиться к созданию междисциплинарной группы сотрудников, чтобы избежать проблем, возникших при публикации датасета Т3. Во-вторых, мы должны оценивать и повышать квалификацию институциональных наблюдательных советов и политиков в этой сфере, чтобы они лучше понимали сложности, связанные с проведением исследований социальных сетей.[60] И в-третьих, мы должны позаботиться о том, чтобы в наших курсах по методам проведения исследований, сборниках лучших практик и протоколах исследований учитывались уникальные вызовы, характерные для изучения интернета и социальных сетей.[61]

Исследовательский проект *«Вкусы, связи, времена»* мог бы стать провозвестником *«новых способов создания социальной науки»*, но наша обязанность как учёных — гарантировать, что исследовательские методы и процессы соответствуют давно устоявшимся этическим практикам. Обеспокоенность вопросами согласия, конфиденциальности и анонимности

[53] Nissenbaum, H. (1998). Protecting privacy in an information age: The problem of privacy in public. Law and Philosophy, 17(5), 559–596.

[54] Nissenbaum, H. (2004). Privacy as contextual integrity. Washington Law Review, 79(1), 119–157.

[55] Nissenbaum, H. (2009). Privacy in context: Technology, policy, and the integrity of social life. Stanford, CA: Stanford University Press.

[56] Stutzman, F. (2008). Facebook datasets and private chrome. Unit Structures Retrieved 2008, September 30, from http://web.archive.org/web/20081204092512/http://fstutzman.com/2008/09/29/facebook-datasets-and-private-chrome/.

[57] Zimmer, M. (2006). More on Facebook and the contextual integrity of personal information flows. michaelzimmer.org Retrieved 2008, October 3, from http://michaelzimmer.org/2006/09/08/more-onfacebook-and-the-contextual-integrity-of-personal-informationflows/. (ссылка не работает).

[58] McGeveran, W. (2007). Facebook, context, and privacy. Info/Law Retrieved October 3, 2008, from http://web.archive.org/web/20080416215151/http://blogs.law.harvard.edu/infolaw/2007/09/17/facebook-context/.

[59] boyd, D. (2008a). Putting privacy settings in the context of use (in Facebook and elsewhere). Apophenia Retrieved October 22, 2008, from http://www.zephoria.org/thoughts/archives/2008/10/22/putting_privacy.html.

[60] *Прим. автора* Например, см. исследовательский проект «Этика интернет-исследований: дискурс, изучение и политика» под руководством Элизабет Бьюкенен и Чарльза Эсса (http://www.nsf.gov/awardsearch/showAward.do?AwardNumber=0646591).

[61] *Прим. автора* Важным шагом в этом направлении является проект «Интернет-исследования и этика 2.0: цифровая библиотека об этике интернет-исследований, интерактивный ресурсный центр и консультативный онлайн-совет по этике», также осуществлённый под руководством Элизабет Бьюкенен и Чарльза Эсса и недавно получивший финансирование. (http://www.nsf.gov/awardsearch/showAward.do?AwardNumber=0924604 и http://web.archive.org/web/20100407044951/http://www.internetresearchethics.org/). (ссылка не работает)

не исчезает просто потому, что субъекты пользуются социальными сетями — напротив, эти вопросы становятся лишь важнее.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Автор благодарит участников *«Международной конференции по компьютерной этике: Философское исследование»* в Корфу, Греции, а также участников конференции *«Интернет-исследования 10: Критические исследования интернета»* в Милуоки, Висконсин, за полезные комментарии и обратную связь. Отдельная благодарность Элизабет Бьюкенен, Чарльзу Эссу, Алексу Халавайсу, Энтони Хоффману, Джону Пинкусу, Адаму Шостаку и Фреду Штуцману за ценные соображения и беседы, онлайн и оффлайн. Автор также благодарит анонимных рецензентов за полезные предложения и критику. Этой статьи не было бы без помощи научных ассистентов Уайетта Дицлера и Ренеа Дрюс. Наконец, я бы хотел поблагодарить Джейсона Кауфмана и Колина МакКея из Центра Беркмана по изучению интернета и общества за ценную и непрерывную обратную связь по поводу этой работы.

ВОПРОСЫ К ТЕКСТУ:

а) Текст перед вами был первоначально опубликован в 2010 году. Что из аргументов Майкла Циммера кажется вам важным сегодня? Какие вещи, на ваш взгляд, изменились, и о чём можно перестать беспокоиться? Может быть есть значимые с этической точки зрения сюжеты, которых Циммер не касается?

б) Рассмотрите одну из платформ, которой вы пользуетесь. Как вы думаете, кто использует данные о вас? Попробуйте найти информацию в открытых источниках и составить список таких компаний/организаций/людей. Напишите, что именно из ваших действий на платформе становится для них «данными» о вас. Пометьте, какие из них, на ваш взгляд, важны.

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

Важно: вы можете не знать ответы на все эти вопросы. Обсуждайте их вместе с заказчиками, коллегами, студентами, подругами. Отмечайте разногласия, дополняйте список вопросов, экспериментируйте!

полная версия схемы на одной странице в формате а3 есть в отдельном файле. если вы хотите поработать с ней (например, скачать её или распечатать), пожалуйста, пройдите по ссылке: https://drive.google.com/file/d/1HqLM-xNN2bPhRvVXfF6jVVNOTitxzIqF

СХЕМА О ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЙ

Полина Колозариди

в начале работы у вас есть:

ИНТЕРЕС

- Действуете ли вы из своего или чужого интереса?
- У кого ещё может быть интерес/вопрос, требующий данных?
- Как сформулирован этот интерес?
- Нужен ли перевод интереса между языками исследователей, программистов, владельцев материалов?
- Кто может осуществить этот перевод?

МАТЕРИАЛЫ

- Есть ли владельцы у материалов, которые вы планируете собирать?
- Кто их будет собирает?
- Равногодны ли они?
- Как учесть контекст, в котором они существовали до вашего проекта?
- Кто и как может критиковать и проверять выбор этих материалов?

чтобы организовать работу, нужны:

ИСТОЧНИКИ

ИНСТРУМЕНТЫ

- Кто и зачем их создал?
- Кто умеет их применять?
- Предполагают третьих лиц?

ДОСТУП

- У кого он есть?
- Как получить, если его нет?
- Кому дать?

УТОЧНЕНИЕ

- На каких основаниях отбираются материалы?
- Как отделяется друг от друга материалы, контекст и мусор?

получаем:
ДАННЫЕ

дальше с ними происходит:

ФИЛЬТРАЦИЯ

- Что происходит с поврежденными / ненужными материалами?
- Как концептуально метаданные отделяются от данных?

ХРАНЕНИЕ

- Кто и где хранит данные?
- Сколько они хранятся и почему?
- В чем плюсы и минусы этих решений?

АНАЛИЗ

- Проводится один раз или много раз?
- На чем основаны выводы?
- Прозрачна ли работа алгоритмов анализа данных, её минусы и плюсы?
- Как при анализе учитывается контекст, из которого были вытащены материалы?
- Каковы ограничения метода анализа?
- Кто и как интерпретирует результат автоматизированного анализа?

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ

- Что показывает, а что нет?
- Что акцентирует?
- Не прибавляет ли лишних смыслов?
- Читается ~одинаково разными зрителями?

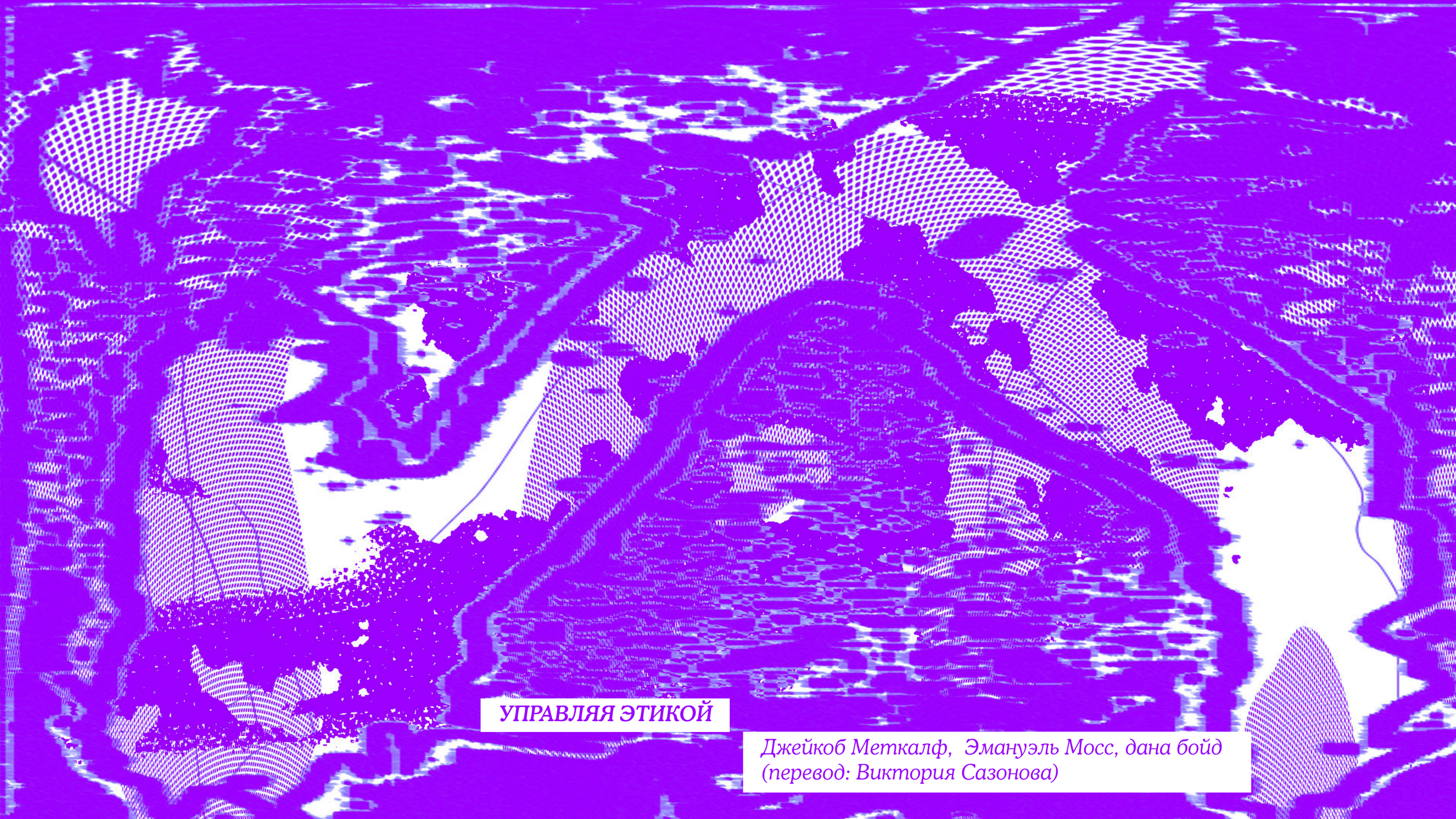
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ

- Участвуют ли те люди, которые делились материалами, собирали материалы, фильтровали и изучали материалы?
- Может ли использование данных навредить тем, чьими материалами вы воспользовались?
- Или тем, про кого вы сделали выводы?
- Могут ли авторы оригинальным материалов что-то дополнить / изменить?
- У кого и как стоит взять согласие на использование?
- Как долго данные будут релевантны? Что может измениться в изучаемом объекте через неделю / год / 10 лет?
- Что будет анонимизировано, а что опубликовано открыто?

и в какой-то момент:

УНИЧТОЖЕНИЕ

- Да / нет? Почему?
- Кем и как?
- По истечении какого срока?



УПРАВЛЯЯ ЭТИКОЙ

Джейкоб Меткалф, Эмануэль Мосс, дана бойд
(перевод: Виктория Сазонова)

ДЖЕЙКОБ МЕТКАЛФ
PhD, исследователь в институте Data & Society.

ЭМАНУЭЛЬ МОСС
PhD, исследователь в институте Data & Society и Корнеллском университете.

дана бойд
PhD, партнер-исследователь в Microsoft Research и основатель Data & Society.

ВВЕДЕНИЕ

Этика — вероятно, самый *«горячий»* продукт сегодня, судя по циклу хайпа[1] Кремниевой долины[2], — несмотря на всё возрастающее число заголовков, где осуждается отсутствие этики в технологических компаниях. В Кремниевой долине лишь недавно потоки корпоративных ресурсов стали направлять на вопросы этики и набирать новых сотрудников в качестве, как мы это называем, *«держателей этики»*. Этому предшествовали годы безрезультатных попыток внешних игроков заставить компании наконец начать учитывать последствия производства цифровых продуктов. На корпоративном языке *«управление»* портфелем или проектом означает принятие ответственности за него — зачастую в масштабе нескольких подразделений или иерархий внутри компании. Обычно *«держатель»* не столько несёт ответственность за проект, сколько наблюдает за его интеграцией во все внутренние структуры компании.

Под аналитическую рамку *«этики»* попадает целый ряд внутренних и внешних вызовов, а также ответов на них. Из-за этого, и без того широкий термин нагружается дополнительными смыслами; в одних контекстах имеется в виду открытое философское исследование, касающееся набора моральных условий человеческого опыта, в других — бюрократические нормы профессионального поведения. Аналогичным образом, в затруднительном положении оказываются и корпоративные структуры — с точки зрения бюрократии, крайне сложно определить, какому отделу стоит адресовать эти проблемы: юридическому, инженерному, отделу по управлению кадрами или департаменту по разработке бизнес-моделей и стратегий?

Одна из информанток проекта, который мы далее описываем, своим примером иллюстрирует, что значит *«отвечать за этику»* в технологической индустрии сегодня. Она работает на международную компанию, которая занимается поставками и обслуживанием корпоративного программного обеспечения, со штаб-квартирой в Кремниевой долине, и ее должность связана с этическими вопросами. Харизматичная и общительная, она без труда может расположить к себе и инженера-разработчика, и руководителя корпорации, и внешнего отраслевого критика, встречая каждого знакомого с распростёртыми объятиями, как это принято в Северной Калифорнии.

Это сокращённая версия статьи. Полная версия находится здесь: https://docs.google.com/document/d/1zkHr_yyy-3yvFRUe6BgH1G-ZqsfMgKg1mP1-ca1u5NQ

[1] Gartner Hype Cycle

[2] Мы используем термины «Кремниевая долина» и «технологическая индустрия» как синонимы для обозначения ряда компаний, которые обычно описываются в публичном дискурсе в США как таковые. Эти компании, как правило, являются коммерческими, ориентированными на потребителя, базируются в Калифорнии и имеют значительную капитализацию либо как публичные компании, либо через венчурный капитал.

Она всегда дружелюбна, но часто бывает прямолинейна в своих суждениях. Несмотря на годы работы в качестве инженера и менеджера, она свободно владеет дискурсами справедливости, равенства результатов[3] и беспристрастности. Она умело использует эти идеи, чтобы объяснить руководству корпораций и широкой публике, что не так с индустрией. Чаще всего её можно встретить на отраслевой конференции с выступлением об этичных методах проектирования в стиле лекций TED или на закрытом семинаре по этике для коллег — убеждающей коллег прикреплять стикеры со своими идеями на общую доску, застать за написанием научного доклада для конференции об этике в технологической индустрии или за проведением внутренней проверки продукта. В компании её знают как успешного евангелиста этики. Рассказывая о своей цели, она часто упоминает запуск этической гонки в технологической индустрии, которая бы показала, что технокомпании более чем способны следовать фундаментальным этическим установкам.

Вся эта деятельность происходит на фоне обычных для Кремниевой долины культурных причуд, контрастирующих с серьёзностью поставленной задачи: офисы с качелями и пивными бочками; конференции, которые проводятся венчурными капиталистами, следующими эстетике вэйпорвейва[4]; и инженеры, которые троллят нашу информантку в Твиттере. В интервью она неоднократно указывала на свою роль человека, который переводит внешние нормы и требования в набор понятных для компании действий. Например, она адаптировала *«Всеобщую декларацию прав человека»* ООН под руководство по обнаружению проблемной клиентуры и попыталась придумать, как можно было бы совместить бизнес-метрики, основанные на количестве кликов, с моделью по определению прибыли, которая была бы этична по отношению к пользователям. После некоторого размышления, кажется удивительным, что предприятие, стремящиеся к получению прибыли, может нанять человека, который тратит значительную часть своего оплачиваемого рабочего времени на критику отраслевых норм.

Наша информантка принадлежит к активно расширяющемуся пулу специалистов по осуществлению этики. Именно они ставят вопрос о том, может ли этика как форма ответственности организации бросить вызов основополагающей логике индустрии, в которой постоянно полыхают этические кризисы. Благодаря людям, отвечающим за этику, древние как мир, переходящие из одного профессионального поля в другое, неразрешимые споры о человеческих ценностях, которые лежат в основании этических вопросов, реализуются как институциональные практики, подстёгивающие развитие технологий.

[3] *Прим. пер.* equity на русский принято переводить как равенства результатов, здесь имеется в виду современная концепция равенства, согласно которой к людям с разными возможностями и различным статусом в обществе необходимо проявлять различное отношение, таким образом компенсирую дискриминацию, чтобы они могли достичь равных (одинаковых) результатов. См. подробнее тут: http://www.owl.ru/gender/103.htm

[4] *Прим. пер.* Стиль в музыке и визуальной культуре, появившийся в начале 2010-х годов, отсылает к эстетике интернета 1990-х и различным методам цифрового коллажирования. См. подробнее тут: https://www.wikiwand.com/ru/Vaporwave

Решительные попытки выдвинуть на первый план человеческие ценности можно приветствовать и считать необходимыми. Однако если вглядеться в процесс превращения этики в институциализированный набор ролей и обязанностей и её реализации в виде практик и процедур, окажется, что мы рискуем преждевременно лишить себя притязания на принципиально открытые и неразрешимые вопросы, благодаря которым и формируются человеческие ценности.

Учитывая возрастающую роль и потенциал искусственного интеллекта и автоматизированных инструментов по принятию решений в повседневной жизни, последовательный подход к вопросам этики, ценностей и моральных итогов — это то, в чём мы сейчас по-настоящему нуждаемся. Но пока удовлетворить такую потребность непросто: во множестве технологических продуктов используют персональные данные пользователей, при этом сама индустрия считает, что *«делает мир лучше»*. Кроме того, стандарты индустрии не позволяют своевременно реагировать на многие внутренние проблемы. Держатели этики действуют, находясь в сложной динамике: с одной стороны, они пытаются справиться с внешней критикой, нацеленной на логику работы всей технологической отрасли; с другой стороны, они делают это изнутри той самой логики. Попытки институализировать этику в организациях, которые построены по принципам базовой логики корпоративной власти, указывают на ряд структурных, концептуальных и операционных трудностей, которые в конечном итоге могут свести все приложенные усилия на нет.

МЕТОДОЛОГИЯ

Эта статья опирается на этнографические, текстовые и другие качественные данные, которые авторы собрали, принимая участие в разработке технологий, работающих с данными. Материалы были дополнены интервью с 17 людьми из авторитетных и известных компаний, которые либо *«осуществляют этику»*, либо считают своей личной миссией решение этических вопросов в своём деле или отрасли.

Двое из участников наших интервью работают в технологической индустрии, но не обладают полномочиями контролирующего лица, — они открыто высказывают своё мнение; остальные — руководители компаний или отделов, чьи должности до определённой степени связаны с решением этических вопросов. Все они работают (или работали) в компаниях, где трудится более 1000 человек, со штаб-квартирой или сопоставимым по масштабу офисом в Калифорнии. Большинство из них — выпускники престижных программ в области компьютерных наук, несколько человек также имеют степень MBA или диплом по социальным наукам, а один участник имеет гуманитарное образование. Эти интервью дополнены рядом этнографических работ и интервью, которые

авторы независимо друг от друга проводили до и во время разработки этого проекта.

ПОЛОЖЕНИЕ ЭТИКИ В ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ИНДУСТРИИ

<…> В нашей трактовке этика и мораль — скорее социальные явления, чем философские абстракции. *«Обыденная»* этика (ordinary ethics) родилась из дебатов наших современников-этнографов о способах описания того, как этика и мораль структурируют социальную жизнь. Она предлагает обратить внимание на то, как обыденные действия проявляют моральные принципы, заложенные в них, в противовес традиции рассматривать этику как форму аргумента или абстракцию. Ламбек (Lambek, 2010) описывает обыденную этику как процесс поиска *«источников этической проницательности, которая глубоко укоренилась <…> в критериях, которые мы все разделяем и используем, чтобы быть понятыми»*. Обыденная этика аналитически *«растворяет»* (2010) этическое в социальной деятельности, практике и суждениях, извлекая этическое суждение из трансцендентальной области философии и помещая его в повседневный социальный опыт (Laidlaw, 2002; Das, 2016). Она обращается к повседневным действиям, которые обычно не становятся предметами нашей рефлексии, и разделяемой всеми языковой схеме, чтобы найти нормативные утверждения о том, как должен быть устроен мир.

Зигон (Zigon, 2007 и 2014) утверждает, что, хотя обыденная этика в этнографии полезна для определения этики в культуре, этот метод вряд ли будет полезен, если нужно распознать этические утверждения, которые ставят своей целью изменить культуру, как это произошло во время кризиса, связанного с Cambridge Analytica. Теоретик подчеркивает важность момента *«морального надлома»*, когда прежний образ жизни оказывается неприемлемым, что открывает возможность для герменевтического анализа моральных границ повседневности. Эта мысль резонирует с работой Дэйва (Dave, 2012) и Махмуда (Mahmood, 2012), которая демонстрирует, как повседневные этические практики, такие как квир-активизм или различные проявления религиозности, работают в качестве критики доминирующих форм морали и политической власти. Новые формы повседневной этической практики необходимы — поскольку никто не может жить в состоянии надлома постоянно — чтобы конкретизировать более справедливый и полноценный образ жизни. Как говорит Зигон (Zigon, 2007), *«Этика — это процесс повторного возвращения к нерефлексивной форме повседневных моральных диспозиций. Но это возвращение как результат этического [надлома] момента никогда не является возвращением к прежним нерефлексивным моральным диспозициям»*.

Дэйв (Dave, 2012) аналогичным образом определяет этику как стратегическую игру между сопротивлением

и нормализацией в пространстве подавляющих моральных и политических рамок (подчинения), а также как попытку творческого создания более справедливой повседневной жизни: «*Те практики, которые возникают внутри структуры подчинения, как творческий, переломный момент в ответ на нормализацию... <…> и ограничивают область соответствия институционально закреплённым нормам, таким как идентичность, общность, национальная принадлежность, язык закона и права*».

Несмотря на различия между этими теоретиками, можно заключить, что этика как практика описывает напряжение между существующей сегодня повседневностью и возможностью другой, лучшей повседневности (Keane, 2017). Эту динамику можно было ощутить во время интервью — например, когда девушка-разработчик, практически распаляясь, произнесла: «*Я не думаю, что в технологической индустрии достаточно людей, которые готовы говорить об этике… Есть люди, на чью жизнь технологии имеют сильное влияние. Они размышляют о компромиссах, к которым вынуждают технологии, и их последствиях — как для них самих, так и для всего сообщества… Также есть люди из технологической индустрии, которые построили свою карьеру, находясь в позиции того, на чью жизнь создаваемые технологии не влияют, однако они жалеют о том, что они создали, даже если и получили с этого прибыль*».

И есть те, кто приходит извне — «*профессионалы, которые изучают этику, или философы*». Но несмотря на то, что они эти голоса звучат громко и их становится всё больше, с её точки зрения, подавляющее большинство людей в сфере технологий «*ещё не прониклись вопросами этики*».

Наши информанты часто формулировали конечную выгоду от «*соблюдения этических норм*» как создание более качественного продукта благодаря тщательным проверкам и итерациям, которых потребовала бы этика. Например, для одного из наших информантов, который работал консультантом по этике, этика имела значение для расширения определения функционального продукта: «*Если ваш код работает, это ещё не означает, что ваш продукт работает, верно? Абсолютно точно, социальная ответственность заключается в том, чтобы узнать и понять, каковы будут последствия выпуска вашего продукта, это невозможно обойти стороной… Совершенно точно, вы должны быть осведомлены*». Изнутри кажется, что «*этика*» — это про создание лучших условий для соответствия определённым ценностям, она приводит к созданию более умных, безопасных и справедливых продуктов (Greene, Hoffman, and Stark, 2019).

В то время как инженер хочет видеть большую заинтересованность вопросами этики среди своих коллег, лидер управленческого консалтинга видит будущее этики в технологической отрасли как внедрение процессов и правил для устранения разнообразных организационных рисков

— от репутационного до возможных финансовых убытков, а также способ избежать обвинений в невнимательности по отношению к этим рискам (Power 1997). В то же время они оба разделяют мнение, что внедрение этики потребует финансовых или организационных жертв. Эти две заинтересованные в этических вопросах стороны исходят из разных организационных точек зрения, но они оба последовательно ссылаются на набор культурных логик, которые принято рассматривать как нормативные, если не сказать, рекомендуемые к исполнении, в технологической отрасли.

ТРИ ДОМИНИРУЮЩИХ ТИПА ЛОГИКИ В ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ИНДУСТРИИ

Базовая логика, которая лежит в основе организационных процессов и используется для их легитимации в последующем, определяет технологическую фирму. Разные типы логики взаимодополняют друг друга, из-за чего довольно трудно аналитически установить их рамки. В целом, логика Кремниевой долины гласит, что острые социальные проблемы можно решить с помощью инновационных технических решений (Winner, 2004; Segal, 2005), разработанных теми, кто обладает наибольшими возможностями и творческой энергией (Neff, Wissinger, and Zukin, 2005), а свободный рынок признает, наградит и поможет в распространении лучших решений (Harvey, 2005; Poon, 2016). Безусловно, в технологической индустрии действуют и другие типы логики (Turner, 2006), но эти три взаимосвязанных компонента входят в набор логик, которые оправдывают как своё собственное существование, так и большинство видов деятельности, характерных для технологической индустрии. Эта типы логики, как правило, лежат в основе бизнеса, и в то же время они имеют непосредственное отношение к *«осуществлению этики»*. Во время всех наших интервью держатели этики сопротивлялись динамике технологического солюционизма[5], меритократии и рыночного фундаментализма, но все три фактора постоянно снова возникали в их организационных расчётах.

[5] *Прим. ред.*. солюционизм – (от англ. solution – «решение») концепция, согласно которой любая проблема может быть решена с помощью соответствующего технического средства

МЕРИТОКРАТИЯ

Один разработчик, у которого мы брали интервью, буквально сказал следующее: *«Технологическая индустрия заявляет, что основана на меритократии. Но это не так.»* Однако такая степень рефлексии встречалась нам в интервью довольно редко. Несмотря на то, что слово *«меритократия»* пришло из спекулятивной художественной литературы и в сатирической форме обвиняло британское общество в отступлении от либерально-демократических ценностей (Young, 1958), в какой-то момент меритократия как модель управления стала вполне серьёзным оправданием неравенства в обществе (Khan, 2011). В отличие от предшествовавших ей аристократических иерархий, меритократия дает идеологическое объяснение неравному

распределению богатства и власти — якобы это результат различий в индивидуальных способностях. Различия в способностях часто натурализуются или иным образом обретают материальную ценность, в то же время скрывая социальные структуры, которые облачены властью и привилегиями, порождая и увековечивая такое неравенство (Ho, 2009).

Меритократия прочно укоренилась в неолиберальных концепциях современного субъекта как автономного и ответственного за непрерывное самосовершенствование (Marwick 2013; Rose 1996). Признаки этой способности к самосовершенствованию действовали как своего рода социальный и культурный капитал, который позволял тем, кто обладал *«заслугами»*, оказывать значительное влияние на общественные дела. Технологическая индустрия долгое время считалась образцом меритократических достижений. Её огромная экономическая и культурная сила была тесно связана с техническими и предпринимательскими навыками, необходимыми для создания и продажи продуктов (Saxenian and Goldstein, 1994). Меритократическая вера в свои способности — это основополагающий миф Кремниевой долины, который воодушевляет опрошенных нами держателей этики, говорящих о необходимости *«нанимать лучших людей»* из *«лучших школ»* и щедро вознаграждать тех, кто *«отлично работает»*. Подобный *«я-смогу настрой»* подразумевает, что работники технологической отрасли способны справиться с любой поставленной перед ними задачей, включая задачу *«осуществления этики»*.

Меритократия рассматривает успех как показатель качества, открывающего возможности, которые можно легко переложить и на другие сферы. Как объяснил один держатель этики, *«во всех этих компаниях работают действительно хорошие люди, которые стараются поступать правильно»*. Учитывая меритократическое мышление, на котором по большей части построена технологическая индустрия, неудивительно, что многие в этой отрасли позиционируют себя как сотрудников, как никто иной способных решать этические вызовы, которые возникали последние несколько лет. Во время наших интервью это, например, проявлялось в форме утверждения о том, что представители отрасли должны руководствоваться собственными суждениями в качестве инструментов морального действия, *«решая трудные вопросы на местах»*, вверять разработчикам распознавание и оценку этических рисков компании, связанных с её продуктами. Безусловно, технические возможности разработчиков тоже сыграли свою роль; иногда их представляли как людей, чья позиция большего всего располагала к оценке реалистичности гипотетических рисков, исходя из технических возможностей конкретного приложения, и следовательно, они могли легко отмахнуться от проблемы, сочтя её нереалистичной. Но в разработчиках также видели средоточие этической чувствительности компании; компании говорят, что разработчики очень разборчивы, когда речь заходит *«об определённых видах работы,*

которыми хотели бы заниматься, что [и] было отражено в решениях, принятых сотрудниками компании».

В то же время многие используют логику меритократии, чтобы отмахнуться от критики или нормативов. Примечательно, что члены правительства, не разбирающиеся в технических деталях, становятся легкой мишенью. Это особенно заметно в дискуссиях о законодательных или нормативных подходах к этике. Нередко на мероприятиях и воркшопах по *«этике»* в Кремниевой долине можно услышать, что этика воспринимается как форма саморегулирования, и она необходима, чтобы избежать усиленного государственного регулирования. Меритократическая логика также проявляется в этических вмешательствах, основанных на личной ответственности. Этические коды, заявления о принципах, чеклисты и тренинги по этике ориентированы на то, чтобы разработчики компании могли принимать *«хорошие»* или *«разумные»* решения. Такие инструменты утверждают технологов в качестве средоточия этической воли, уделяя особое внимание их взглядам на потенциальный вред, наносимый продуктами, которые они разрабатывают, и в поиске исчерпывающего решения этических проблем полагаясь на врождённую добропорядочность сотрудников, подкреплённую меритократической логикой. В таком случае, если возникает проблема, вину можно возложить на отдельного человека, а не на институциональные проблемы. Таким образом, технические работники могут обнаружить себя в роли *«губок ответственности»*, как это называет Элиш (Elish, 2016).

Здесь мы не ставим под сомнение мотивы или этические принципы тех, кто работает в таких компаниях; нет оснований сомневаться в том, что они стремятся делать хорошую, этичную работу, даже когда совершают ошибки. Скорее, мы хотим показать, что взгляд технических работников на социальные проблемы более общего порядка, в лучшем случае, ограничен, как и власть отдельных сотрудников внутри корпоративной иерархии.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ

Ограничение взгляда работников технологической индустрии на социальные проблемы более общего характера является функцией культурного капитала, которым они владеют, и экономического капитала, в который они вовлечены. Обе эти формы капитала стали основополагающими благодаря головокружительному успеху, которого добились технологические фирмы Кремниевой долины за последние 25 лет (Neff, Wissinger, and Zukin, 2005; Saxenian and Goldstein, 1994). Идея о том, что технологии могут решить любые проблемы, поощрялась наградами, которые промышленность получала за создание технологий, которые как будто бы, и правда, решают проблемы. Стоит ли говорить, что критики мгновенно предложили более сложный взгляд на происходящее, подчеркнув все моменты, когда технологические *«решения»* в действительности

лишь вызывают проблемы. Тем не менее, даже когда представители технологической индустрии признают, что некоторым образом способствовали развитию социальных проблем, например, таким как увеличение разрыва в доходах, они часто в ответ предлагают технические решения. Поэтому неудивительно, что этические проблемы в отрасли часто представляются как задачи, поддающиеся технологическим решениям. Слишком часто этику представляют как проблему, которую можно *«решить»* раз и навсегда.

Хотя некоторые из наших информантов признали, что *«волшебного лекарства»* для решения этических проблем может и не быть, на первый план в наших интервью и в публичном дискурсе всё равно выступал поиск технологических решений (Ball-Rokeach, 2004), использующих *«суперсилы, данные нам технологиями»*, как сказал один ведущий исследователь. Из высказанных [информантами] пожеланий относительно инструментов и чеклистов следует, что технологическое решение возможно, даже если оно пока ещё не существует. В некотором смысле, создается впечатление, что этические проблемы возникают из-за несовершенства технических решений, наводя на мысль о том, будто этические продукты — это усовершенствованные продукты. Как объяснил старший консультант по вопросам управления, *«У вас не возникнет проблем с искусственным интеллектом, если все ваши данные в порядке и вы их надлежащим образом собрали … проверили на истинность… убедились в отсутствии предубеждений… и перенесли вместе с метаданными, чтобы у вас была возможность пересмотреть своё решение. … Проблема существует, когда вы перечисленного не делаете»*.

Технологический солюционизм способствует оптимистичному поиску лучшей практики — оптимального набора чеклистов, операций или оценочных метрик, которые обеспечат хороший, с точки зрения этики, продукт. *«Лучшие решения»* уже давно составляют важную частью работы по развитию технологий, обеспечивая чистоту и прозрачность компьютерного кода для его последующих обновлений и исправлений багов, а также по производству оборудования, соответствующего ожидаемым вычислительным показателям. Этот оптимизм уравновешивается тревогой о том, что этика в виде технического вопроса становится *«неразрешимой, подобно слишком большой проблеме, для которой нет решения»*, препятствуя сотрудничеству между держателями этики и другими технологами. Тем не менее, на сегодняшний день определение этики как технической проблемы доминирует. Описание этических проблем как проблем, требующих *«лучших решений»*, вынуждает искать этику преимущественно в практике технологов, а не в социальных мирах, для которых и внутри которых разрабатываются технические системы.

РЫНОЧНЫЙ ФУНДАМЕНТАЛИЗМ

Рыночная логика оказывает сильное влияние на

дискурс этики в Кремниевой долине и за её пределами (Duff 2016; Saxenian and Goldstein 1994). Держатели этики иногда озвучивают циничную мысль о том, что *«[рыночный] успех важнее этики»* и что в отсутствие эксплицитных запретов компании готовы заниматься глубоко неэтичными практиками, если те приносят прибыль. Подобный цинизм становится почвой для призывов к целесообразному государственному регулированию технологической отрасли, поскольку юридические риски представляют собой ограничения, с которыми технологические компании хорошо знакомы. В отсутствие нормативных актов держатели этики должны *«проталкивать»* определённые этические практики, чтобы избежать негативного влияния на итоговую прибыль компаний. Как объяснил старший руководитель исследовательского подразделения, это *«означает, что система, которую вы создаёте, должна быть чем-то таким, что, по мнению людей, приносит пользу, а не массивным камнем на их дороге, которое не добавляет никакой ценности, потому что, если это массивный камень на дороге, который не имеет никакой ценности, люди буквально не будут этого делать, потому что им это не нужно»*. Рыночная логика также оказывает огромное давление на этические инициативы в отрасли, поскольку компании повторяют подходы друг друга, иногда просто из страха потерять сегмент рынка. Как объясняет один из руководителей, *«если мы будем играть по правилам, которых будто бы даже не существует, мы окажемся в невыгодном положении»*.

Идея о том, что *«результаты говорят сами за себя»*, формулировалась по-разному. Бывший руководитель отдела социальных сетей прекрасно понимал, как спрос на потребительском рынке мотивирует принятие корпоративных решений. *«Если люди на самом деле перестанут пользоваться определенными сервисами и/или отдадут предпочтение другим сервисам, которые не имеют таких же [недостатков дизайна], вы можете быть уверены, что компании отреагируют»*. Это рассуждение было ответом на вопрос о том, почему не стоит ожидать, что небольшие или новые компании разработают собственные этические кодексы. Ведь они недостаточно прибыльны, чтобы иметь возможность экономить ресурсы на капиталоёмком проекте, таком как *«осуществлять этику»*. Этот образ мышления подпитывает интерес к устойчивым процессам и технологическим решениям, связанным с этикой. Даже стартапы с меньшим капиталом могут перенять готовые технологические решения, чтобы *«осуществлять этику»*, если нежелательные расходы на разработку нужных инструментов будут оплачены другой компанией.

Из-за рыночной логики, которая пронизывает всю технологическую отрасль, держатели этики пользуются собственным положением, позволяющим осуществлять изменения, не в полную меру, ограничивая себя рамками того, что дозволяет *«рынок»*. Даже корпоративные работники с самыми благими намерениями и строгими принципами, как мы слышали, сталкиваются с противостоянием

между некоторым количеством этических соображений и добровольным обязательством по максимизации стоимости акционерного капитала, причём само это добровольное обязательство понимается как этическая ценность (Lazonick, O'Sullivan, 2000). Хотя рынок иногда рассматривают как жесткую и моментальную рамку возможного в корпоративных подходах к этике, некоторые выступают за подходы, направленные на изменение структуры рынка, чтобы обеспечить более высокую степень этического вмешательства, включая, например, переосмысление управленческих и надзорных мер.

ПОДВОДНЫЕ КАМНИ ЭТИКИ В ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ИНДУСТРИИ

Разные типы организационной логики в индустрии высоких технологий пересекаются и дополняют друг друга. Меритократия обеспечивает веру в то, что технологические решения пригодны для решения сложных проблем, в то время как рыночный успех укрепляет и ограничивает эту концепцию, улучшая репутацию и банковские счета сотрудников технологических компаний. Многие из распространенных организационных подходов к решению этических проблем, очевидно, разработаны с учётом этой логики. Отчасти они даже подкреплены неплохой аргументацией. Описывая этику как сложную, но решаемую технологическую проблему, с которой можно справиться с помощью привычных подходов, держатели этики могут привлечь на свою сторону экспертов в области технологий и управления, чьё полноценное участие в проекте по *«осуществлению этики»* необходимо. Эти подходы включают в себя этические чеклисты и этические кодексы управления проектами, программные пакеты, которые оценивают алгоритмы на предвзятость, и модули с практическими кейсами, напоминающие образовательные онлайн-программы, с которыми хорошо знакомы разработчики. Прочие подходы позаимствованы из смежных областей — например, это *«красная команда»*,[6] заявления о внутренней политике компании и различные этические кодексы, в том числе *«Клятва Гиппократа для специалистов по данным»*. Однако сам факт придумывания решения в той же плоскости, в которой возникла проблема, говорит о заведомом провале.

[6] «Красная команда» — это внутренняя команда в компании, единственная задача которой — придумывать и реализовывать подрывные инновации.

Мы слышали, как держатели этики возражали против идеи о том, что рутинные методы разработки программного обеспечения могут дать желаемые результаты (например, Johnson, 2018). Когда держатели этики ищут способы её осуществления, но не бросают вызов такой логике, их подход рискует обернуться быстрым возвращением к уже существующей логике развития технологий. Возвращение к повседневности становится способом избавления от моментов общественного морального надлома, когда поведение фирмы подвергается проверке с точки зрения этики. Осуществление этики с помощью воспроизводимых

процессов, таких как чеклисты или программные пакеты, лишь создаёт иллюзию успешно выполненной работы и подразумевает, что задачи по этике *«выполнены»*. Скорее, именно в этих повседневных практиках содержится истинная этика, и с их помощью можно было бы определить потенциальный социальный ущерб. Если мы не обращаемся к этой чувствительности, а вместо этого преждевременно заглушаем её техническим вмешательством, то проблемы, рождающиеся из способа производства, характерного для технологической индустрии, могут сохраниться надолго. Логика индустрии высоких технологий способна породить целый ряд подводных камней, но мы выделим лишь две из них: это нормализация этических ошибок и ограниченный изоморфизм.

НОРМАЛИЗАЦИЯ ЭТИЧЕСКИХ ОШИБОК

Разрабатывая процедуры для осуществления этики, технологические компании руководствуются своей внутренней логикой. Как отметил старший руководитель отдела управленческого консалтинга, одним из распространенных подходов к этике является учёт правовых или деловых рисков. Такой подход предлагает руководству оценить риски для корпорации с точки зрения законов, финансов или репутации (Orlitzky and Benjamin, 2001). Учёт рисков включает в себя описание риска и определение его приемлемого уровня. Причём доклад составляется таким образом, чтобы руководители могли управлять вероятными последствиями в пределах приемлемых для фирмы затрат. Другой подход больше опирается на практики проектирования и обеспечения безопасности. Один из наших информаторов отметил: *«Практически вам необходимо мышление «красной команды», которая взглянет на этот продукт и задастся вопросом: «Каким образом кто-либо может злоупотребить этим продуктом?» Потому что людям, занимающимся созданием новых продуктов, очень легко замечать только позитивное и говорить: «Это будет так здорово. Это будет потрясающе». А затем либо забыть, либо вовсе проигнорировать тот факт, что, эй, кто-то потенциально возьмет этот продукт и использует его для чего-то совсем не хорошего»*.

Эти практики похожи на то, что Вон (Vaughan, 1996) определила как *«нормализацию девиантности»*. Изучая записи разговоров между разработчиками и менеджерами из NASA накануне катастрофы шаттла *«Челленджер»*, она пришла к выводу, что катастрофа на самом деле стала побочным продуктом процедур по оценке риска, которые были ими же со всей ответственностью и рациональностью разработаны, стандартизированы и внедрены. По её словам, *«Разработчики и менеджеры вместе пришли к такому определению ситуации, которое позволило им действовать, будто всё было в порядке, хотя они постоянно сталкивались с доказательствами того, что что-то шло не так (1996)»*. Катастрофа Челленджера была не единичным кейсом с повышенным риском,

а одной из многочисленных ситуаций с умеренной степенью риска.

«Ошибайся быстро, ошибайся часто» — так звучит распространённый девиз Кремниевой долины. Промышленность поощряет нарушение правил и игнорирование защитных барьеров, нормализуя девиантность, которая одновременно похожа на описание Вон (Vaughan, 1996), и отличается от него. В то время как у NASA есть чёткие инструкции на случай недопустимых рисков (например, таких как потеря людей, оборудования, миссии), у технологических компаний нет формальных границ, за которые институтам не следует заходить. Как результат, технологические компании создают структурные условия для нормализации этических нарушений.

Если не учитывать основополагающую логику, предлагающую организованный, структурный подход к выявлению этических нарушений и защите от них, само по себе внедрение этических процедур может обернуться провалом, даже если эти процессы были внедрены для его предотвращения (Pernell, Jung, Dobbin, 2017). Более того, если этика по-прежнему будет рассматриваться как нечто, что нужно внедрять, а не как то, вокруг чего нужно строить организацию, *«осуществление этики»* может превратиться в холостое выполнение процедуры, вместо того, чтобы стать процессом по воплощению в жизнь ценностей компании.

ИЗОМОРФИЗМ СЛЕПОТЫ

По мере того как технические компании начинают внедрять этические практики, возникает необходимость делиться опытом. Но компании, подобно журналистам и учёным, часто фокусируются на том, как не следует поступать. Публичными становятся такие этические решения, которые теперь, задним числом, уже объявлены неэтичными. Куда менее заметны случаи, когда сотрудники и процессы принятия решений позволяют избежать появления потенциально вредных в общественном смысле продуктов или функций. Компании редко говорят о чём-то, что решено было не запускать. Вдобавок они не обращаются к предубеждениям (biases), о которых узнают в результате внутренних исследований, — до той поры, пока это не будет замечено кем-либо извне (например, Buolamwini и Gebru, 2018).

В целом, чтобы не рисковать, организации склонны реагировать на возмущения, в идеале — избегать их вовсе. Они крайне редко готовы делиться собственным опытом и учиться на чужих успешных примерах. Такие решения приводят к *«изоморфизму слепоты»*. Подобно пони с маской на глазах, технологические компании воспроизводят одни и те же этические *«слепые пятна»*, и это верно для всей отрасли. Такой изоморфизм основан на другом, который ДиМаджио и Пауэлл (1983) называют *«институциональным изоморфизмом»*. Они объясняют, как у компаний и целых отраслей возникают похоже структуры.

Это может быть *«инновация через имитацию»* (Caplan и boyd, 2018). Хотя институциональный изоморфизм и информационные асимметрии — подводные камни для целого ряда организаций, в этически экстремальных ситуациях технологические компании склонны поглядывать друг на друга. Вокруг повседневных этических ошибок образуются слепые пятна.

Изоморфная динамика, окружающая технологию и этику, формируется не посредством прямого обмена или взаимодействия, а через корпоративное исполнение этических норм и публичное порицание неудач. Даже демонстрация серьёзного отношения компании к этике предстаёт более важным знаком этических практик, чем реальные изменения в продукте. Как сказал один инженер, *«люди хотят больших драм»*. То есть исполнение этических норм — важнейший компонент осуществления этики в технологиях. Держатель этики признает: это может выглядеть как симуляция этики (ethics-washing, по аналогии с green-washing, когда экологически неудачной практике придают вид *«зелёной»*), но другой инженер считает, что иногда *«видимость усилий важнее результатов»*. Могут быть самые разные действия: от выпуска программных докладов и постов в блогах, провозглашающих поиск *«лучших практик»*, до реорганизаций, продвигающих или создающих этические инициативы.

Если говорить цинично, такие представления порождают, как выразился один инженер, менталитет карго-культа, своего рода магическое мышление, согласно которому исполнение драматических ритуалов приносит материальное вознаграждение. Заодно возникает тоска по *«моральному, социальному и культурному порядку, в котором эти объекты фигурируют»* (Crapanzano, 2003). Более прагматичное следствие такой *«изоморфизма слепоты»* заключается в том, что компании начинают перестраивать себя в соответствии с неполной картиной этического ландшафта, размеченного другими представителями отрасли. Они учатся риторике и исполнению этических норм, вместо того, чтобы произвести структурные изменения, направленные на поддержание социальных ценностей, которые позволяют признавать существующие этические промахи. Такой подход тем более проблематичен, когда дело касается расширения этики до уровня разных подразделений компании. Изоморфизм принято понимать как механизм, с помощью которого организации структурируют себя, глядя друг на друга. Однако афишируя только успехи и преуменьшая свои неудачи, компании не делятся с новичками опытом, на котором можно было бы поучиться. В итоге, в ходу остаётся лишь один скупой набор инструментов.

ВЫВОД

На открытом симпозиуме конференции AI Now 2018 года ученый-правозащитник Филип Альстон полушутя сказал со сцены: *«Я хочу задушить этику»*, отметив, что

этика *«открыта», «неопределённа и необъяснима»* по сравнению с основами прав человека и социальными правами (Alston, 2018). Точно так же на конференции ACM 2019 года по вопросам справедливости, ответственности и прозрачности сессия обратной связи с общественностью была прерывана членами исследовательского сообщества, отметившими, что *«справедливость», «отвественность», «прозрачность» и «этика»* могут быть всего лишь *«приятными словами»*, которые на деле ничего не значат, и что *«справедливость, освобождение и права»* являются основами для материального улучшения человеческой жизни. Хотя мы разделяем это двойственное отношение к этике как к программной цели, странность этого момента не должна оставаться незамеченной: как раз в тот момент, когда у нас появился мощный стимул, нам предлагают подумать о том, в правильном ли направлении мы движемся.

Наше исследование показывает, что держатели этики живут в таком же напряжении. Нравится нам это или нет, их цель состоит не в том, чтобы остановить технологическую индустрию. Хотя все они заняты той или иной формой критики своей отрасли, они также вовлечены в организационную культуру, которая вознаграждает ориентированную на показатели и быстро развивающуюся работу большими ресурсами, тем самым повышая их способность сливаться со средой и охлаждая их критический запал. В подобной ситуации — точно так же, как и в случае с текущими исследованиями критических данных — крайне важно уметь различать успехи и поражения. Таким образом, работа этики заключается в том, чтобы работать, учитывая противоречия, а не разрешать их.

Хотя ещё слишком рано говорить о том, приведут ли зарождающиеся усилия по осуществлению изменений в технологических компаниях к созданию более этичных организаций, мы обеспокоены тем, что организационные, культурные и структурные условия препятствуют достижению таких высоких целей. Если этика просто поглощена логикой рыночного фундаментализма, меритократии и технологического решения, маловероятно, что технический сектор сможет внятно ответить на стремление к более справедливой и ориентированной на ценности технологической экосистеме. Мы предпочли бы избежать такой судьбы. Главный вопрос, который волнует как специалистов по критически важным данным, так и держателей этики внутри компаний, состоит в том, как найти путь к улучшенному способу *осуществления этики*, который институционализирует более открытую, справедливую и критическую повседневную практику.

ЛИТЕРАТУРА:

- Alphabet Inc. 2018. Form 10-K. https://www.sec.gov/Archives/edgar/data/1652044/000165204419000004/goog10-kq42018.htm. (ссылка не работает)
- Ananny, Mike. 2016. “Toward an Ethics of Algorithms: Convening, Observation,

Probability, and Timeliness." Science, Technology, & Human Values 41 (1): 93-117.
- Ball-Rokeach, S. J., M. Sturken, and D. Thomas, eds. 2004. Technological Visions: The Hopes and Fears that Shape New Technologie. Philadelphia: Temple U. Press.
- Benjamin, Ruha. 2019. Race after Technology. Boston: Polity Press. Buolamwini, Joy and Timnit Gebru. 2018. "Gender Shades: Intersectional Accuracy Disparities in Commercial Gender Classification." In Proceedings of Machine Learning Research 81: 15. New York.
- Caplan, Robyn and danah boyd. 2018. "Isomorphism through Algorithms: Institutional Dependencies in the Case of Facebook." Big Data & Society 5 (1).
- Crapanzano, Vincent. 2003. "Reflections on Hope as a Category of Social and Psychological Analysis." Cultural Anthropology 18 (1): 3-32.
- Das, Veena. 2016. "What Does Ordinary Ethics Look Like?" In Four Lectures on Ethics: Anthropological Perspectives 73. Chicago: Hau Books.
- Dave, Naisargi. 2012. Queer Activism in India: A Story in the Anthropology of Ethics. Durham, NC: Duke U. Press.
- D'Ignazio, Catherine and Lauren Klein. 2019. Data Feminism. MIT Open Press. https://bookbook.pubpub.org/pub/data-feminism. (ссылка не работает)
- DiMaggio, Paul and Walter Powell. 1983. "The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields." American Sociological Review 48 (2): 147.
- Duff, Alistair S. 2016. "Rating the Revolution: Silicon Valley in Normative Perspective." Information, Communication & Society 19 (11): 1605-21.
- Elish, M. C. 2019. "Moral Crumple Zones: Cautionary Tales in Human-Robot Interaction." Engaging Science, Technology, and Society (5): 40-60.
- Fiesler, Casey. 2018. "Tech Ethics Curricula: A Collection of Syllabi." Medium, July 5. https://medium.com/@cfiesler/tech-ethics-curricula-a-collection-of-syllabi-3eedfb76be18
- Fleischman, Gary, Eric Johnson, Sean Valentine, and Kenton Walker. \2017. "Ethics versus Outcomes: Managerial Responses to Incentive- Driven and Goal-Induced Employee Behavior." SSRN Scholarly Paper ID 3032078. https://papers.ssrn.com/abstract=3032078.
- Greene, Daniel, Anna Lauren Hoffman, and Luke Stark. 2019. "Better, Nicer,

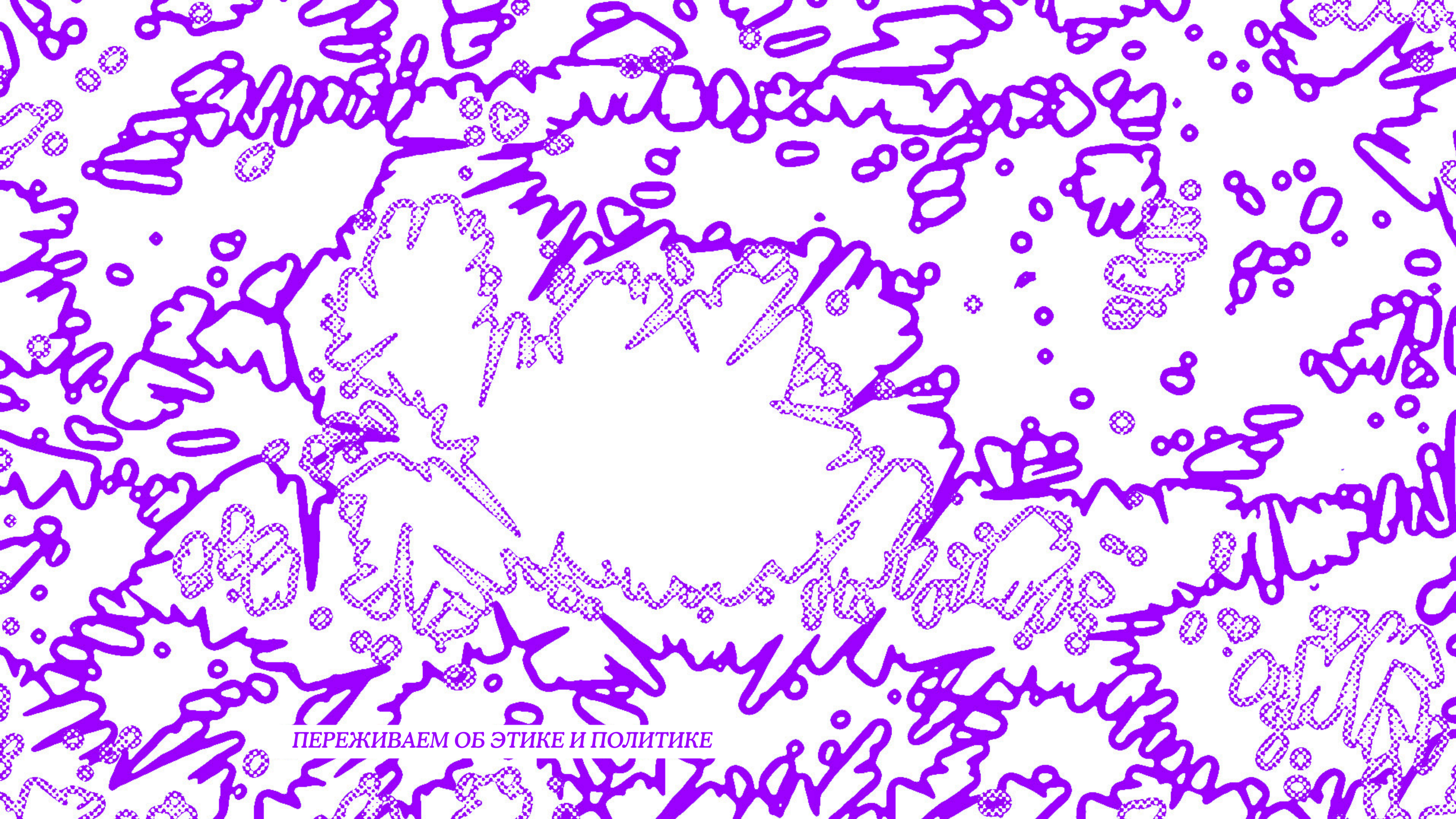
Clearer, Fairer: A Critical Assessment of the Movement for Ethical Artificial Intelligence and Machine Learning" 10. Hawaii International Conference on System Sciences (HICSS), Maui.
- Harvey, David. 2005. A Brief History of Neoliberalism. London: Oxford U. Press.
- Ho, Karen. 2009. Liquidated: An Ethnography of Wall Street. Durham, NC: Duke U. Press.
- Johnson, Nick. 2018. "Why Ethical AI Is a Mindset, Not a Checklist." Salesforce Blog. Nov. 2. https://www.salesforce.com/blog/2018/11/ ethical-ai-is-a-mindset-not-a-checklist.html. (ссылка не работает)
- Keane, W. (2017). Ethical Life: Its Natural and Social Histories. Princeton, NJ: Princeton U. Press.
- Khan, Shamus Rahman. 2011. Privilege. Princeton, NJ: Princeton U. Press.
- Laidlaw, James. 2002. "For an Anthropology of Ethics and Freedom." Journal of the Royal Anthropological Institute 8 (2): 311-32.
- Lambek, Michael. 2010. Ordinary Ethics. New York: Fordham U. Press.
- Lazonick, William and Mary O'Sullivan. 2000. "Maximizing Shareholder Value: A New Ideology for Corporate Governance." Economy and Society 29 (1): 13-35.
- Mahmood, Saba. 2012. "Ethics and Piety." In A Companion to Moral Anthropology, edited by Didier Fassin. Malden, MA: John Wiley & Sons.
- Marwick, Alice. 2013. Status Update: Celebrity, Publicity, and Branding in the Social Media Age. New Haven, CT: Yale U. Press. 474 social research
- Neff, Gina, Elizabeth Wissinger, and Sharon Zukin. 2005. "Entrepreneurial Labor among Cultural Producers: 'Cool' Jobs in 'Hot' Industries." Social Semiotics 15 (3): 307-34.
- Orlitzky, Marc and John Benjamin. 2001. "Corporate Social Performance and Firm Risk: A Meta-Analytic Review." Business & Society 40 (4): 369-96.
- Pernell, Kim, Jiwook Jung, and Frank Dobbin. 2017. "The Hazards of Expert Control: Chief Risk Officers and Risky Derivatives." American Sociological Review 82 (3) 511-41.
- Poon, Martha. 2016. "Corporate Capitalism and the Growing Power of Big Data: Review Essay." Science, Technology, & Human Values 41 (6): 1088-108.
- Power, Michael. 1997. The Audit Society. New York: Oxford U. Press.
- Rose, Nikolas. 1996. Inventing Our Selves. New York: Cambridge U. Press. Saxenian, AnnaLee and Karl Goldstein.

1994. The Software Industry in Northern Alameda County: Development Patterns and Prospects. Berkeley: U. California Berkeley, Institute of Urban and Regional Development.
- Segal, Howard. 2005. Technological Utopianism in American Culture. Syracuse, NY: Syracuse U. Press.
- Simonite, Tom. 2019. “Google and Microsoft Warn that AI May Do Dumb Things.” WIRED. Feb. 11. https://www.wired.com/story/google- microsoft-warn-ai-may-do-dumb-things/. (ссылка не работает)
- Sims, Ronald R. 1991. “The Institutionalization of Organizational Ethics.” Journal of Business Ethics 10 (7): 493-506.
- Trevino, Linda Klebe. 1986. “Ethical Decision Making in Organizations: A Person-Situation Interactionist Model.” Academy of Management Review 11 (3): 601-17.
- Turner, Fred. 2006. From Counterculture to Cyberculture. Chicago: U. Chicago Press.
- Vaughan, Diane. 1996. The Challenger Launch Decision. Chicago: U. Chicago Press.
- Winner, Langdon. 2004. “Sow’s Ears from Silk Purses: The Strange Alchemy of Technological Visionaries.” In Sturken and Thomas, 2004, 34-47.
- Young, Michael. 1958. The Rise of the Meritocracy 1870-2033. Bristol, UK: Thames and Hudson.
- Zigon, Jarrett. 2007. “Moral Breakdown and the Ethical Demand: A Theoretical Framework for an Anthropology of Moralities.” Anthropological Theory 7 (2): 131-50. 2014. “An Ethics of Dwelling and a Politics of World-Building: A Critical Response to Ordinary Ethics.” Journal of the Royal Anthropological Institute 20 (4): 746-64.

ВОПРОСЫ К ТЕКСТУ:

а) С кем бы вы хотели поговорить, чтобы узнать про сбор данных и ценности, стоящие за ним? Как вы думаете, какие из сюжетов этого исследования — применимы универсально? а какие являются скорее локальным контекстом?

б) Возможно, в вашем окружении есть люди, которые занимаются работой с данными. Напишите, пожалуйста, список вопросов к ним по аналогии с исследованием коллег.



ПЕРЕЖИВАЕМ ОБ ЭТИКЕ И ПОЛИТИКЕ

Дорогие читатели методички,

В первый год нашего проекта, когда мы собирались и обсуждали совместное видение этических и политических проблем работы с (онлайн-)данными, мы вели небольшой канал в Телеграме. Ниже мы предлагаем вам немного этих постов и вопросы для размышления. Посты были немного отредактированы для большей ясности.

ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ:

Вопрос в том, зачем делать исследования?

Аннетт Маркхэм ставит на этом акцент, когда говорит про этику как метод. в таком случае исследователь оказывается под грузом постоянной ответственности. однако когда человек приступает к исследованиям, он может вовсе не думать об ответственности, о социальном действии. он может думать о науке или искусстве.

даже если ему/ей легко продумать действие как политическое, это политическое объяснение останется внешним по отношению к его вопросу. это требует другого подхода, переключения себя в роль критика. или этики ответственности по Веберу (см. ниже).

и вот тут проявляется противоречие между политикой и искусством, конечно.

потому что искусство может быть just because, а политика — связана с действием, направленным вовне, связанное с ответственностью за последствия.

а исследования — неужели чисто политика? это как-то не очень классно, хочу думать дальше и преодолеть эту мысль с её бинарностями.

МАКС ВЕБЕР:

«Мы должны уяснить себе, что всякое этически ориентированное действование может подчиняться двум фундаментально различным, непримиримо противоположным максимам: оно может быть ориентировано либо на «этику убеждения», либо на «этику ответственности».

Не в том смысле, что этика убеждения оказалась бы тождественной безответственности, а этика ответственности — тождественной беспринципности. Об этом, конечно, нет и речи.

Но глубиннейшая противоположность существует между тем, действуют ли по максиме этики убеждения — на языке религии: «Христианин поступает как должно, а в отношении результата уповает на Бога», или же действуют по максиме этики ответственности: надо расплачиваться за (предвидимые) последствия своих действий.

(...)

Ни одна этика в мире не обходит тот факт, что достижение «хороших» целей во множестве случаев связано с необходимостью смириться и с использованием нравственно сомнительных или по меньшей мере опасных средств, и с возможностью или даже вероятностью скверных побочных следствий; и ни одна этика в мире не может сказать: когда и в каком объёме этически положительная цель «освящает» этически опасные средства и побочные следствия».

ДМИТРИЙ МУРАВЬЁВ:

Я сейчас читаю книгу «*Technologies of Speculation*» Сун-Ха Хонга, центральной темой которого является то, как наше знание меняется в data-driven world. Работа замечательная, и там есть одна мысль, которой хочется поделиться. Прежде всего, нам необходимо понять, что сами по себе данные не предоставляют нам истину, но и не являются всего лишь «*ложными*» или «*искаженными*» формами репрезентации мира. Скорее, данные меняют сами условия производства знания и того, что же считается истинным, а что – нет.

(...)

И это некоторое эпистемологическое затруднение в мире, переполненным данными: парадоксальным образом они способны не только снимать нашу неуверенность в знании о мире, но также производить, усилять, разветвлять и уводить её в новые направления. Транспарентность и секретность – не бинарное противопоставление, скорее раскрытие информации и обладание новыми данными меняет границы того, что считается спекуляцией, конспирологией, «*фактом*». Об этом, кстати, в одном из своих интервью говорит художница Сьюзанна Трейзер. Она принадлежит к такому направлению как post-surveillance art и рассказывает, что после Сноудена идеи о масштабной слежке перестали кодироваться исключительно как конспирология, границы «*реальной*» и «*воображаемой*» слежки поменялись.

(...)

И в контексте нашего общего дела, мне любопытно: какие последствия такая эпистемология несёт для этики данных? Если «*прибавление*» данных к нашей картине мира: 1) меняет сами условия производства истинного, 2) работает как постоянное отдаление от желаемого объекта, то как работает этика, понятая через отношения ответственности участвующих?

ТАТЬЯНА МИРОНОВА:

Недавно в Музее Сидура проходила выставка Михаила Толмачева «*Re-Locations*».[1] Дневник солдата Владислава Тамарова, участвовавшего в военном конфликте в Афганистане в 1979–1989 годах лёг в основу трёх произведений. Художник предложил исследовать, как человеческий мозг обрабатывает травматический опыт.

[1] Михаил Толмачев Re-Locations. https://mmoma.ru/exhibitions/muzej_vadima_sidura/mihail_tolmachev_relocations/

Мне стало интересно, почему именно документ часто ложится в основу разговора о памяти в современном искусстве. Ведь по словам художника, документ никогда не передает опыт полностью, он всегда умалчивает о самом главном. Тогда как сочетается доверие к документу и сомнения в его объективности?

В своей работе Толмачев решает уйти от документа как инструмента для верификации истории. Художник выбирает не всматриваться в содержание документа, а сместить акцент на его материальную сторону, поэтому он создает

цифровую реконструкцию ландшафта, выбирает камень в качестве рассказчика и свидетеля конфликта.

Для меня вопрос остается открытым. Когда мы внутри нашей группы обсуждали вопрос понимания этики в интернет-исследованиях и искусстве, мы определили для себя, что за документальным материалом стоит человек: владелец, хранитель, рассказчик. Можем ли мы отталкиваться от убеждения, что его голос изначально субъективен и раскрывает лишь часть историй и поэтому требует художественного вмешательства?

Михаил Толмачев. Эскиз. 2020

Михаил Толмачев. Свидетельство о свете. Одноканальная цифровая анимация, кадр, 2020

ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ:

Прочитала статью Сергея Скобелева *«Демография как политика. Коренное население Сибири в составе Российской империи и СССР: динамика численности как отражение политики центра»* что зацепило меня в контексте этики и политики исследований?

крутой сюжет о том, что стоит учитывать изменение идентичности людей: *«В 70-е годы XVIII века насчитывалось 827 человек томских телеутов, а в 1858-м их осталось только 549 (падение более чем на треть), что объяснялось принятием ими ислама и причислением в отчетной документации к другой конфессиональной группе – томским татарам <....> В 90-е годы XX века наметились и обратные процессы. <...> Так, активисты национального движения телеутов добились в 1991 году разрешения сменить прежнюю запись в паспортах «татарин» на «телеут», и таким образом в список народов России был внесен новый этноним»*. то есть, люди, живя достаточно долго с системами подсчёта, делают с их помощью то, что находят полезным.

сильный аргумент против идеи, что заботиться обо всех должны исследователи, а любое исследование автоматически превращает всех изучаемых — в объекты, не очень способные позаботиться о своей идентичности.

это не к тому, чтобы забить на всякие этические беспокойства, а скорее к тому, чтобы учитывать, что данные — производятся всеми, а не только теми, кто в итоге статьи пишет.

АНАСТАСИЯ ХАЗОВА:

Попалась на глаза статья Luciano Floridi и Mariarosaria Taddeo *«What is data ethics?»*, в которой любопытно переплетены и рассуждения о том, что такое этика данных, и о том, как этика функционирует в цифровом пространстве сегодня.

Вопрос этики заключается не в том, какой инструмент (компьютер, телефон, планшет) использовать, а в том, что он делает с данными (собирает, анализирует, генерирует). Инструменты существуют достаточно давно, чтобы сформировать вокруг себя определённые принципы работы с данными, и наша задача — наладить баланс на существующем фундаменте.

На основании этого происходит расщепление на несколько ветвей: этика данных (генерация, запись), этика алгоритмов (искусственный интеллект, роботы), этика практик (программирование, взлом). Все эти отрасли отвечают за свою часть, но неизбежно переплетены и представляют единое этическое пространство, в которое включены и люди (пользователи, разработчики, исследователи), и инструменты (приложение различных технологий к созданию, анализу данных), и существующие (и вырабатывающиеся) стратегии работы с ними.

Вопрос, который никак не поднимается, — кто должен стать этическим барометром? Исследователь? Разработчик? Пользователь, создающий данные? Различны ли эти критерии и есть ли они у каждой из трёх групп?

ДМИТРИЙ МУРАВЬЁВ:

Размышляю тут о разных упаковках, в которые мы можем помещать данные.

Есть упаковки табличек, чисел — они самые популярные, потому что дают много возможностей: их можно складывать, вычитать, умножать, находить среднее и медиану, а там уже и недалеко до разных регрессий.

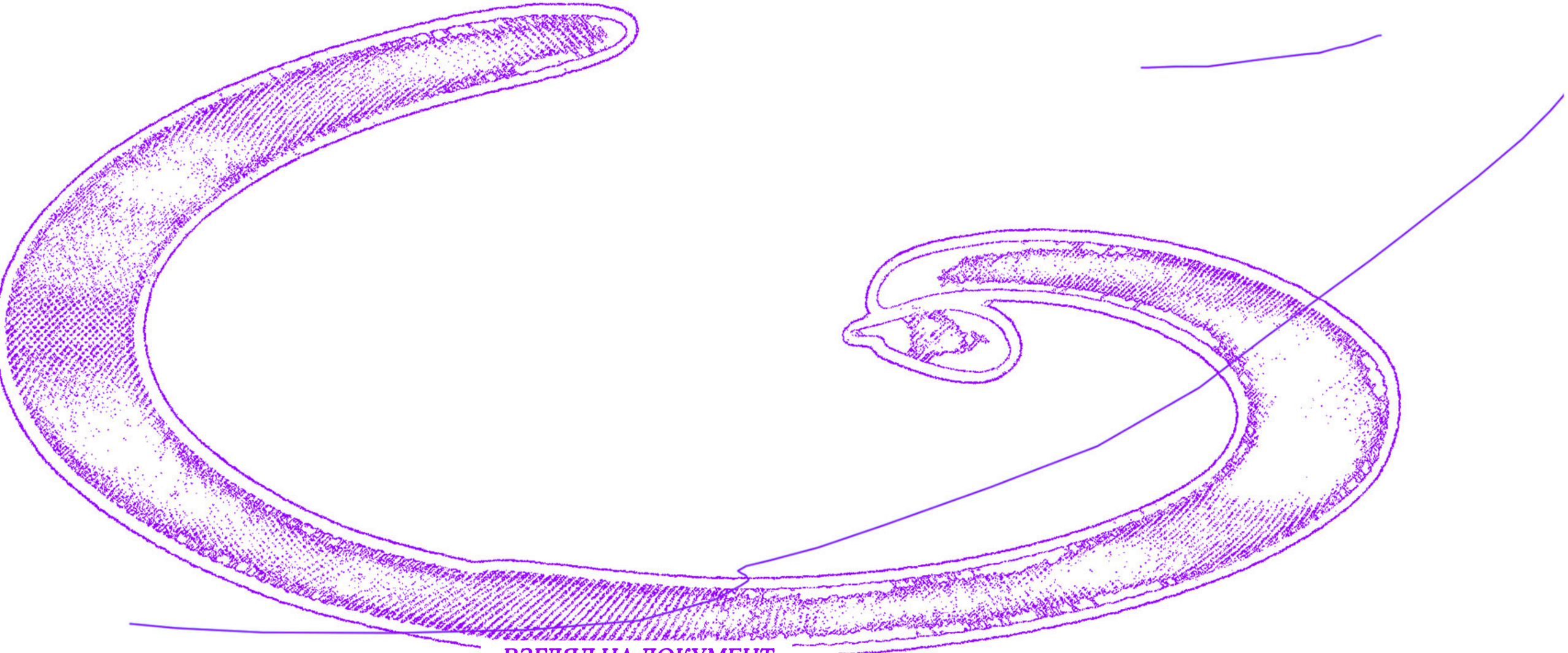
А есть и другие формы — данные могут быть звуком, вышивкой или чем-то ещё. и я не шучу, совсем не шучу, такое и правда есть!

И вот вопрос — дает ли такая ре-материализация данных нечто новое в плане выстраивания отношений и разговора об этике? Жаклин Вернимон в книге *«Исчислимые жизни»* пишет о количественных медиа, которые по-разному запечатлевали жизнь и смерть — это и таблицы смертности, и судовые декларации, и педометры, и селф-трекинг девайсы. Такие медиа, однако, скорее отбирают данные от нашего тела, говорит она, а нужно придумывать способы их телу вернуть. Если данные смогут зазвучать, вместо того чтобы быть табличками, сможем ли мы установить с ними какие-то иные отношения?

ВОПРОСЫ К ТЕКСТУ:

а) Какие тексты/фильмы/события заставляют вас задуматься о темах политики и этики, связанных с данными?

б) Напишите список сюжетов, которые заставляют вас беспокоиться о данных с точки зрения 1) пользователя или себя как источника данных; 2) исследователя или заказчика работы с данными.



ВЗГЛЯД НА ДОКУМЕНТ

Татьяна Миронова

ТАТЬЯНА МИРОНОВА
исследовательница современного искусства, куратор художественных проектов, изучает способы и инструменты работы художников с памятью и историей, а также возможности и границы показа документов в современном искусстве.

«Что мне следует снимать?» — спрашивает французский художник Эрик Бодлер в фильме *«Письма к Максу»*[1]. Макс — это собеседник Бодлера по интервью, бывший министр иностранных дел Абхазии, Максим Гвинджия. Вопрос остался актуальным даже после того, как художник закончил съёмки и фильм был завершён. *«Что мне следует снимать?»*— остаётся вопросом, который Бодлер задает не только Максу или зрителю, но и самому материалу.

В основе работы *«Письма Максу»* — два типа материалов: переписка художника с Максимом Гвинджия и документация поездки Бодлера в Абхазию. В письмах собеседники обсуждают философские вопросы, повседневность, погоду и семью, а также говорят об истории Абхазии, о её текущем положении и политике. Кадры, сделанные уже после завершения переписки, отражают интерес художника к новому для него пространству. Людям, живущим в постсоветском пространстве, его взгляд покажется взглядом чужака: он обращает внимание на то, что нам кажется привычным и обыденным, например, на иконы, расположенные на пианино, или на советские географические карты, нарисованные от руки.

[1] Letters to Max. https://baudelaire.net/Letters-to-Max

И переписка, и видео — это документальные материалы: они запечатлевают конкретные процессы и ситуации. Переписка показывает историю дружбы между Гвинджия и Бодлером, параллельно раскрывая для нас их взгляды на историю и становление страны. С одной стороны, видео можно назвать документальным фильмом об Абхазии. С другой, это фильм-исследование, поиски ответа на вопрос, что и как художник должен снимать.

Бодлер размышляет о том, как показать собственный опыт изучения места, при этом понимая, что одной точки зрения недостаточно. Он соединяет разные материалы, показывающие историю дружбы, отношения между художником и местом, то есть выбирает полифонию вместо одного доминирующего инструмента. Исследование того, что может работать как документ, каким образом документы взаимодействуют друг с другом, как формируется их статус, становится ключевым не только для Бодлера, но и для многих современных художников.

ОТ ДОКУМЕНТА К ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ОПТИКЕ

Фильм *«Письма Максу»* показывает, что документ в современном искусстве трактуется довольно широко. Помимо исторических документов, среди которых — дневники, архивные фотографии и официальные бумаги, документальным статусом может наделяться случайно найденная на блошином рынке вещь или свидетельства семейной истории. Документ в современном искусстве

не определяется исключительно типологически — например, когда только дневники или только письма попадают в эту категорию. Документальным статусом наделяются любые материалы, которые интересуют художников потому, что сообщают информацию о прошлом и раскрывают фрагменты истории.

В фокус внимания современных художников документ попадает ещё в 1960-е годы, когда расширяется понимание объекта искусства и становятся популярными практики ленд-арта и перформанса, которые зачастую проходят вне стен музеев и галерей, а значит, не всегда оказываются доступными для зрителя. Возникает необходимость документировать действия художников, чтобы их можно было показать в пространствах современного искусства.

Кроме того, возникает интерес к повседневности и её проявлениям в виде предметов быта, рутинных действий, которые художники запечатлевали с помощью документации. К примеру, Кристиан Болтански в 1973 году создает работу *«Inventory of Objects Belonging to a Young Man of Oxford»*[2] — серию фотографий предметов ежедневного обихода и одежды, якобы принадлежащих студенту Оксфорда. Но как часто бывает с работами Болтански, принадлежность предметов оказывается вымышленной, позволяющей художнику соединить разные объекты и наделить их общей историей, а фотографии — статусом документа.

[2] Inventory of Objects Belonging to a Young Man of Oxford https://artsandculture.google.com/asset/inventory-of-objects-belonging-to-a-young-man-of-oxford-christian-boltanski/sAEUwzUcC6abAQ

Таким образом, в 1960-е годы интерес к документу в современном искусстве прежде всего был связан с процессом дематериализации[3], предлагавшим определённый способ расширения произведения искусства — за счёт смещения фокуса с материала и формы на замысел, идею, процесс.

[3] Процесс дематериализации искусства был описан куратором и арт-критиком Люси Липпард в работе «Шесть лет: дематериализация арт-объекта с 1966 по 1972» и и совместной статье Дж.Чэндлера и Липпард «Дематериализация искусства» (1968)

В 1900-е годы роль документа в искусстве снова изменилась: он стал инструментом для исследования памяти и истории. Это было связано с новым витком интереса к истории 20 века, вызванным, помимо прочего, падением Берлинской стены и возникновением временнóй дистанции по отношению к событиям прошлого. Появилось множество проектов, посвящённых исследованию Холокоста, опыта Второй мировой войны, репрессий и геноцида, и постепенно сформировался язык для работы с историей в современном искусстве. По большей части авторы использовали документальные материалы и свидетельства, поскольку работали с историей, очевидцами которой они не были (Хирш). Другими словами, они работали с воспоминаниями, которые не всегда им принадлежали.

Обращение художников к документу для разговора о памяти как личном опыте ставит вопрос о возможностях и границах сохранения этого опыта. Что в документе сохраняется, а какие фрагменты жизни оказываются забытыми? Каким образом художники могут работать с личной памятью и историей?

Используя документы для исследования работы памяти, художники обратили внимание на то, что отдельно взятый документ показывает лишь некоторый фрагмент действительности и почти никогда не даёт полное и всеобъемлющее представление об истории. К примеру, Болтански в своей работе исследует, как документы, объединённые выдуманной художником историей, взаимодействуют друг с другом.

Отношение к документу как подвижной конструкции, статус которого зависит от взгляда художника, концептуализировал Окуи Энвезор[4] — один из важнейших современных кураторов, арт-критик и теоретик искусства. В своей практике он расширял границы современного искусства, включая в общемировой контекст художников неевропейского происхождения, а также исследовал выставку как современный способ художественного выражения. На выставке *«Archive Fever: Uses of the Document in Contemporary Art»* в 2008 году Энвезор показал, что интерпретация документа может меняться в зависимости от того, кто и как на него смотрит, и обозначил переход от работы с отдельным документом к исследованию взаимодействия между разными типами документальных материалов.

[4] Окуи Энвейзор - куратор, арт-критик. Энвейзор был старшим вице-президентом Института искусств Сан-Франциско, куратором Международного центра фотографии в Нью-Йорке, директором Дома искусства в Мюнхене. Он проводил выставки в крупнейших музеях мира, среди его проектов — 2-я Биеннале в Йоханнесбурге (1996–1997), выставка Documenta 11 в Германии (1998–2002), Парижская Триеннале современного искусства (2012) и 56-я Венецианская биеннале (2015). Основатель NKA: Journal of Contemporary African Art, посвященного современному африканскому искусству.

Когда художники начинают работать с разными типами документальных материалов, возникает необходимость не только в анализе различных художественных стратегий использования документа, но и в том, чтобы увидеть в них отдельный тип практик, который формирует оптику документальности. То есть художники сосредоточены не столько на показе самостоятельных объектов, сколько на создании ситуации для взаимодействия документальных материалов. Важную роль здесь играет пространство, потому что оно позволяет задействовать разные сценарии соединения документов, например, показывать вместе устные истории, изображения и предметы.

На этом методе были построены многие выставки в Музее Международного Мемориала. Например, на выставке *«Материал. Женская память о ГУЛАГе»* были представлены воспоминания, документы и свидетельства, отражающие женский опыт заключения в лагерях ГУЛАГа. Кураторы использовали вышивки, сделанные заключёнными для себя, в качестве подарков детям *«на волю»* и на продажу. Здесь были объединены предметы, обладавшие тактильными свойствами, фрагменты письменных воспоминаний и голоса бывших узниц, которые вспоминали о времени, проведённом в ГУЛАГе.

Пересекаясь в одном пространстве, разные типы документальных материалов создавали особую ситуацию для восприятия прошлого. Она делала видимыми и подсвечивала разные фрагменты историй. Аудиозапись передавала

интонации уже пожилых женщин, рассказывавших о своей жизни в заключении, а неаккуратно нанесенные надписи как будто были призваны погрузить зрителя в ситуацию нахождения в лагере. При этом создавался контраст с вышивками — во многих из них были воспроизведены идиллические, детские и радостные сюжеты.

Как анализировать проекты, подобные выставке «*Материал*»? Важно понять, как работает документ в таких выставках, а значит, фокус нашего внимания переходит с содержания документа, с той информации, которую он сообщает, на то, как выстраивается контекст существования документальных материалов в пространстве. Поэтому необходимо выявить не только, как между собой взаимодействуют разные типы документов, но и как они формируют наш взгляд на историю, которую показывают кураторы.

Для анализа выставок мы обращаемся к понятию диспозитива, описанному Мишелем Фуко как особый способ организации знания и как сеть отношений, пронизывающая систему организации (Фуко). Таким образом, выставочный диспозитив представляет собой одновременно материальную конфигурацию пространства и систему отношений, порождаемых сочетанием этих материальных и физических характеристик (Приходько).

К анализу выставок как пространств, формирующихся сетью отношений между элементами, через понятие диспозитива обращаются многие исследователи выставочных практик, среди которых французские историки искусства Жером Глисенштейн и Жан-Марк Пуансо. Каждый из них по-своему трактует понятие выставочного диспозитива, однако важным для нас остаётся тот факт, что и Глисенштейн, и Пуансо рассматривают выставку как совокупность внутренних элементов системы и внешних контекстов, которые формируют взгляд зрителя. Поэтому анализ проектов через концепцию выставочного диспозитива позволит нам рассмотреть всю систему отношений, выстраивающихся вокруг документа и определяющих наш взгляд на историю и память.

ВОПРОС ЭТИКИ КАК ВОПРОС ВЫСТАВОЧНОГО ДИСПОЗИТИВА

Обращение к диспозитиву позволяет сделать видимыми отношения, которые до этого были скрыты, в особенности — властные отношения, формирующие нашу оптику взгляда на историю. Работа с документами в контексте художественного исследования истории 20 века зачастую приводит к работе с личными, трагическими воспоминаниями. При этом художник обладает* особой властью — выбирая материал, способ показа, пространство, он формирует зрительский взгляд на конкретную историю и на историю в целом. Фуко пишет, что «*документ более не довлеет истории… История — это только*

*

Polina Kolozaridi (17:03 9 мая)
или берёт её? кто наделяет его? сам формат выставки?
Из импортированного документа

Татьяна Миронова (18:18 15 мая)
Жест обращения к историческому материалу в публичном пространстве сам по себе ставит художника в позицию власти, потому что именно художник формирует зрительский взгляд.

инструмент, с помощью которого обретает надлежащий статус весь корпус документов», а это значит, что именно оптика документальности теперь рамирует взгляд зрителя на историю.

Осознав разные типы отношений, формирующие наш взгляд, мы начинаем обращать внимание не только на то, какую историю показывает художник, но прежде всего на то, как он её показывает. К примеру, израильская художница Микаль Ровнер в проекте *«Traces of life. The world of children»*[5] в Аушвиц-Биркенау перенесла на стены выставочного пространства найденные в архивах музея рисунки детей, погибших в концентрационном лагере. Ровнер отказалась от традиционной формы мемориала погибшим детям, отдав предпочтение очень личному и хрупкому материалу. Выставочный диспозитив проекта был построен на соединении пустого зала, пространства всего комплекса Аушвиц-Биркенау, который формирует наше восприятие выставки, даже если мы его не видим, и рисунков детей, перенесённых на стены рукой Ровнер. Рассматривая этот проект как совокупность отношений между документами, художником и пространством, можно задаться несколькими вопросами. Если художница работает с документами воспоминаний, не принадлежащих ей, как она может показывать эти воспоминания? Не происходит ли присвоения истории других людей в тот момент, когда художница не просто перерисовывает рисунки детей, но и редактирует материал, выбирая определённые фрагменты и сюжеты? В какой момент художница с помощью документов даёт голос тем, кто не может говорить сам, а когда — они инструментализируются, становясь частью концептуального высказывания художника?

[5] Traces of life. The world of children. https://www.yadvashem.org/yv/en/exhibitions/pavilion_auschwitz/children.asp

ЭТИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ

Документальные свидетельства личной памяти об истории войн, геноцида, репрессий, часто в музеях и на выставках обозначаются как *sensitive material*, подразумевая, что они фиксируют ужасные события и человеческие страдания. Таковыми эти материалы делает связь с конкретными людьми, которые стали участниками, жертвами, свидетелями истории. Работая с чужими воспоминаниями, зачастую болезненными, художник обязан искать баланс между вмешательством в документ и выстраиванием условий для его показа. Поэтому пристальное внимание направлено не столько на *тему* работы, сколько на процесс производства и показа выставки или произведения в целом.

Одна из известных современных художниц Эстер Шалев-Герц, которая последовательно исследует вопросы репрезентации прошлого, в 2005 году в Париже показала проект *«Between telling and listening»*[6], посвященный шестидесятилетию освобождения Аушвица. Выставка в Отеле-де-Вилль состояла из

[6] Between telling and listening. https://www.shalev-gerz.net/portfolio/between-listening-and-telling/

60 интервью с бывшими узниками лагеря, которые взяла художница и её команда. Интервью были показаны на маленьких мониторах на столах отеля, а центральным объектом выставки стали три видео на больших экранах, созданные художницей из тех фрагментов, где рассказчики запинаются, молчат, плачут или не могут говорить. Проект *«Between telling and listening»* Шалев-Герц я считаю одной из важнейших выставок, посвящённых исследованию репрезентаций Холокоста. Во-первых, потому что художница вводит чрезвычайно сильный тип свидетельства через молчание, когда мы понимаем, что пережитый опыт практически невозможно передать словами. Во-вторых, Шалев-Герц ставит перед нами вопрос о том, где проходит невидимая граница, за которой действия художника можно счесть вмешательством в историю, не принадлежащую ему. Есть ли у автора право *«редактировать»* чужие воспоминания, выбирая из них только моменты тишины? Сохраняется ли в таком случае за документом личный опыт? На первый взгляд, Шалев-Герц стирает рассказ, но одновременно она показывает человека в наиболее уязвимом состоянии, когда, возможно, и проявляется всё то, что может быть стёрто самой историей, когда мы вслушиваемся в содержание и не обращаем внимание на проявление человеческого*.

ЭТИКА КАК АНАЛИЗ СИСТЕМЫ ОТНОШЕНИЙ

Обращаясь к анализу проектов, основанных на документальных материалах, мне важно проблематизировать оптику документальности, которую формирует художник. Изменение оптики позволяет нам сместить фокус внимания с темы художественного исследования. Ведь мы не будем оценивать желание художника поработать с темой войны или репрессий. Вместо этого мы можем сосредоточиться на выбранных способах показа и системе отношений, конструируемых выставкой.

Сейчас особенно важным становится обращение к документам, к свидетельствам происходящего в настоящее время. Но как возможно с ними работать и готовы ли мы их услышать уже сегодня? Пришло ли время, чтобы читать, видеть всё то, что эти свидетельства в себе хранят, а значит, работать с ними в пространстве современного искусства, театра, музея? Готовы ли мы столкнуться с жизнью другого человека, зафиксированной в телеграм-дневниках, написанных от руки свидетельствах или устных рассказах? Документ всегда подразумевает

*

Polina Kolozaridi (19:52 10 мая)
тут читателю хочется понять, что значит человеческое — это свойство субъекта, который пережил (или нет) историю, становящуюся сюжетом для художника и выставки?

Татьяна Миронова (16:37 15 мая)
Это очень сложный для меня вопрос. Мы в группе много обсуждали, что мы рассматриваем данные, документы, материалы как конструкт, предполагая, что опыт тоже есть конструкция, потому что всегда фиксируется в той или иной форме. И спорили, есть ли что-то предзаданное, «человеческое». И, когда мы говорим об искусстве, создаётся ощущение, что существует другой пласт, который как будто избегает любой сконструированности и «прорывается» сквозь жёсткую систему. Точнее проявляется не самостоятельно, а с помощью взгляда художника.

Polina Kolozaridi (22:44 18 мая)
я тоже продолжаю думать об этом. вот в книге про надзорный капитализм Шошанна Зубофф говорит про превращение именно опыта, сокровенного.
но в интернет-исследованиях мы говорим, что аутентичность конструируется. и я думаю, что роль искусства здесь — в том числе оставлять это недообъяснённым. то есть да, человеческое — конструкт, но почему тогда мы стремимся к постижению чего-то в себе.
то есть как будто слово «опыт» тут тоже не до конца точно работает.

Татьяна Миронова (16:37 15 мая)
Слово «опыт» мне кажется подходящим в том смысле, что, в отличие, например, от воспоминания, в большей степени связан с физическим проживанием истории.

фиксацию личного опыта человека, который определяет форму документа, способ его создания, взгляд на событие. А художник как бы удваивает* эту оптику: опосредует личный опыт свидетеля собственным взглядом на документ. К появляющимся сейчас художественным проектам, работающим с документами современности, мне хочется обратиться с вопросом о том, остаётся ли за документом непосредственный человеческий опыт.

Я говорю: «Да здравствует история!» -
И головою падаю под трактор.
П.Коган. Монолог. 1936 г.

ЛИТЕРАТУРА:

- Приходько Н. Отношение человека с миром в проблеме выставочного диспозитива. На примере произведения «Солнце и море (Марина)»// Конференция «Выставка как способ анализа современности. Этика и политика современных выставочных проектов». М., 2019
- Фуко М. Археология знания. 1996. М., Ника-Центр

Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности.

- 1996. М., Касталь
- Хирш М. Что такое пост-память. Уроки истории. 2016. (https://urokiistorii.ru/articles/chto-takoe-postpamjat) (ссылка не работает)
- Between telling and listening. (https://www.shalev-gerz.net/portfolio/between-listening-and-telling/)
- Enwezor O. Archive Fever: Uses of the Document in Contemporary Art.
- NY., International center of photography. 2008

Inventory of Objects Belonging to a Young Man of Oxford (https://artsandculture.google.com/asset/inventory-of-objects-belonging-to-a-young-man-of-oxford-christian-boltanski/sAEUwzUcC6abAQ)

- Letters to Max. (https://baudelaire.net/Letters-to-Max)
- Traces of life. The world of children. (https://www.yadvashem.org/yv/en/exhibitions/pavilion_auschwitz/children.asp)

*

Polina Kolozaridi (19:55 10 мая)
но получается, что может не удваивать, а наоборот, уменьшать? короче, трансформировать, собственно делать оптикой — создавая возможность видеть/слышать? собственно, в опыте же нет оптики, верно? а она возникает через дистанцию и способы смотреть/слышать, которые создаёт художник.

Татьяна Миронова (16:32 15 мая)
Я думаю, что опыт предполагает оптику, потому что он фиксируется. То есть человек пишет дневник, думая о том, что его прочтут. Тогда он что-то упоминает, а что-то оставляет за рамками, то есть делает выборку. А потом художник показывает этот дневник, удваивая оптику, то есть добавляя к взгляду автора свой собственный опыт. Ведь он определяет способ показа, место, цель и прочее. Вряд ли мы можем говорить об опыте вообще, никак не зафиксированном документально, поэтому, мне кажется, удвоение и происходит. Другой вопрос -- каким образом. Как оптика художника взаимодействует с авторской?

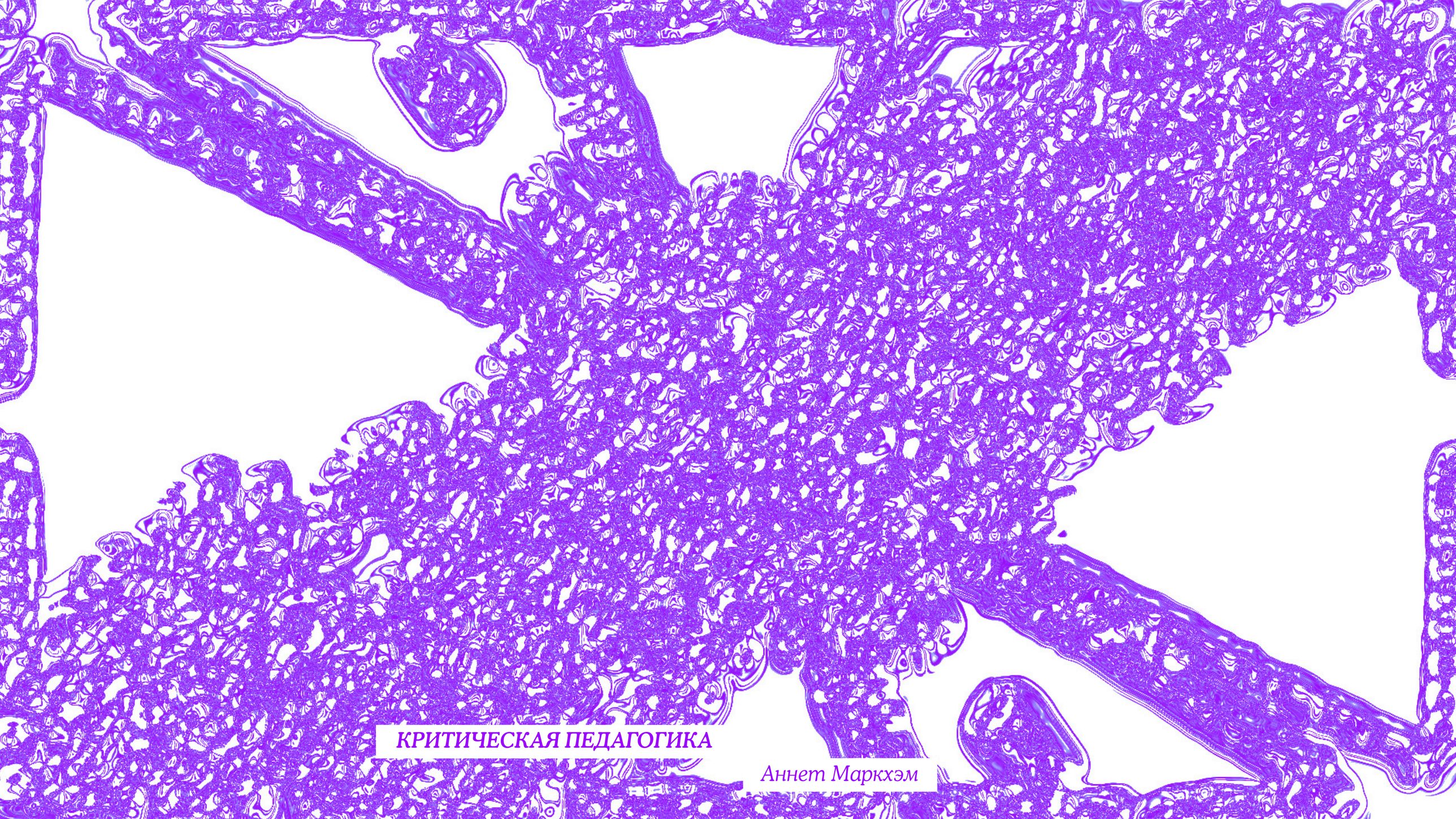
Polina Kolozaridi (22:41 18 мая)
мне стало теперь понятнее, и это действительно важно! интересно, что это, как я понимаю, особенная власть художника, возможно и/или с куратором, да? я думаю, переносится ли тут агентность такого рода в другие сферы деятельности, те же исследования. как ты думаешь?

Татьяна Миронова (21:05 20 мая)
Да, речь идет именно о власти интерпретировать, показывать, переозначивать личные документы. Не могу пока сказать, переносится ли она в другие сферы, потому что здесь важен именно способ показа, предъявления материала в публичном пространстве. Можно посмотреть, как это устроено в документальном театре, но все равно механизмы будут немного другими, как и способ взаимодействия со зрителем, потому что все в итоге сводится к формированию зрительского взгляда.

ВОПРОСЫ К ТЕКСТУ:

а) Как вы думаете, в чем особенность художественного взгляда на документы? Что отличает его от взгляда исследователя (историка, социолога, исследователя интернета)?

б) Посмотрите на свои документы и артефакты (фотографии, тетради, детские рисунки, возможно, одежда или чаты) глазами художника из будущего. Представьте, что этот художник хочет сделать проект на их основе. Какой это может быть проект? Какие из ваших документов вы бы хотели сжечь, а какие — наоборот сохранить? Как они могут быть показаны? Подумайте, какие взгляды и ценности могут быть у такого художника, и совпадут ли они с вашими?



КРИТИЧЕСКАЯ ПЕДАГОГИКА

Аннет Маркхэм

АННЕТТ МАРКХЭМ

давно занимается критической педагогикой в контексте работы с данными. Критическая педагогика предполагает, что люди могут самостоятельно познавать мир, применяя свои навыки производства смысла для того, чтобы понимать происходящее в собственной жизни и вокруг. Мы прочитали три статьи Аннетт, затрагивающие тему работы с данными.

КРИТИЧЕСКАЯ ПЕДАГОГИКА КАК ОТВЕТ НА ДАТАФИКАЦИЮ (Critical Pedagogy as a Response to Datafication)

проблема статьи в чём? цифровых штук всё больше, а понимания того, что они собой представляют — всё меньше.

что делает Маркхэм?

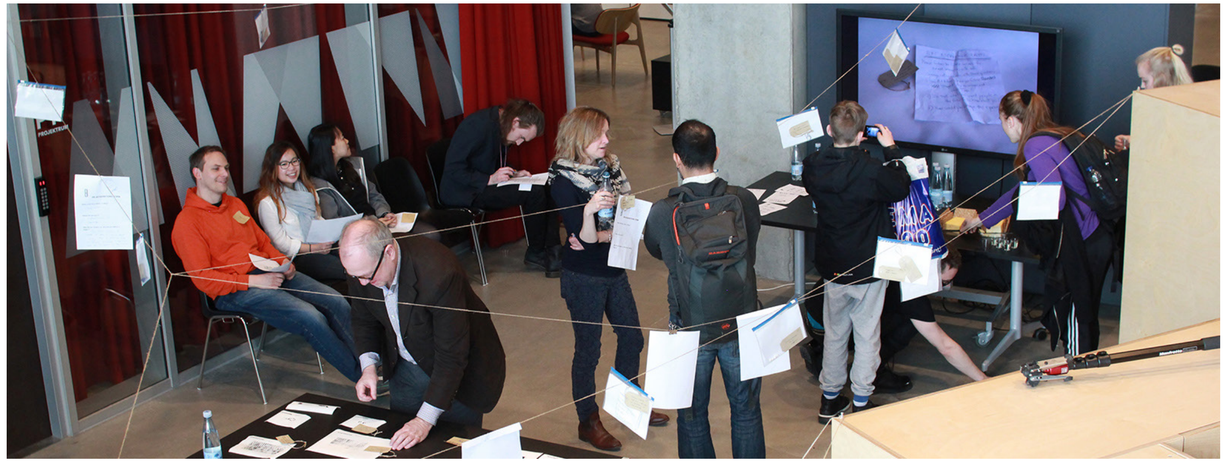
1. говорит, что исследователи-качественники могут помочь — узнать, как сами люди, точнее, граждане (citizens) интерпретируют и определяют, что такое данные.
2. совместная работа позволяет людям изучать свою жизнь и опыт, осмыслять, как жизнь и опыт превращаются в нечто подсчитанное, и придумывать, как с полученными данными (или наблюдениями) следует поступать
3. какая совместная работа имеется в виду? занятия и встречи в духе критической педагогики. на них исследователи и учат, и изучают что-то вместе с теми, кто учится. учат — потому что у них есть навыки (качественных исследований). например, они/мы знают, как риторика из социальных сетей и сетевых информационных материалов формирует наше определение себя, отношения, политику, институциональные системы и динамики.
4. Маркхэм год за годом предлагает людям автоэтнографировать свою цифровую жизнь. Она приходит со своим знанием теорий (например, теории социальных интеракционистов, в частности, Гарольда Гарфинкеля), предлагает теории и методы как инструменты, а люди сами выбирают, как им действовать. Аннетт называет это ремиксом, имея в виду, что тут метод и предмет наблюдения идут вместе, игрово и произвольно смешиваются.
5. инструменты:
   - *Трекинг (участники пристально наблюдают за тем, как они используют цифровые медиа в течение 48 часов)*
   - *Отсоединение (участники соблюдают медиа-воздержание на протяжении 24 часов. В это время участники ведут аудио/видео/текстовые дневники, чтобы осмыслить, что это значит и как переживается отсоедиение)*
   - *Рефлексия (ментальные карты и карты, показывающие разные ситуации)*
   - *Интерпретация («и что?» или «что это значит?» или «кому это важно»)*
   - *Повторение*
6. за шесть лет Аннетт накопила 1200 разных кусочков цифровых нарративов. иногда такие опыты приводили к тому, что люди начинали менять свои жизни,

иногда — они лучше чувствовали трения, которые возникали в их цифровой жизни.
задача Аннетт тут — больше педагогическая, чем исследовательская — в том, чтобы учить людей задавать вопросы и понимать нюансы.

7. критический подход состоит в том, чтобы перейти от насыщенных описаний — к анализу ценностей и пониманию собственной предвзятости. Аннетт признаётся, что теоретически она скорее с Мишелем Фуко, чем с Карлом Марксом, и ей важно передать студентам и другим участницам понимание того, что нет безоценочных повествований.
8. и да, не стоит избегать слова *«данные»* как обозначения того, что мы узнаём о себе. И данные здесь стоит определять не как автономные объекты, а как то, что встраивается в различные концептуальные системы.
9. если так размышлять, то выходит, что данные — это то, что мы собираем о себе и друг друге, а большие данные — это когда мы собираем много и повторяем этот сбор, создавая отдельную структуру – данных.
10. значит, можно оставить различение качественный/количественный в прошлом, ведь дело не в том, что мы знаем о себе в цифрах, а в том, чтобы понять, как из разных кусочков опыта возникает то, что мы потом будем знать о себе из отчётов биг-дата-аналитиков.
и чтобы усвоить это знание, нужно читать Гарольда Гарфинкеля и других авторов.
11. в чём идея такого манифеста-статьи? она предлагает способы разобраться со своей цифровой жизнью, не просто *«перестать залипать в интернет»*, а понять, что и как действует в ней уже сейчас, как устроено собственное знание об этом и как его можно соотнести с другими видами знаний и всяких там данных.

ДАТА-ГРАМОТНОСТЬ – ЛЮДЯМ: КРИТИЧЕСКАЯ ПЕДАГОГИКА В ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЕ (Taking Data Literacy to the Streets: Critical Pedagogy in the Public Sphere)

это статья про Музей случайной памяти. исследователи там работают в роли *«некураторов»*, посетители сдают кусочки своей памяти, и на выставке собираются результаты этого коллективного сбора.



1. а зачем Аннетт про это пишет? чтобы понять, какой может быть практический смысл у исследований. ведь недостаточно просто ставить хорошие вопросы внутри академического мира, особенно когда они связаны с тем, что происходит прямо тут и теперь. ещё она инструментализирует рефлексию, не отделяя её от исследовательских процедур.
2. в статье разрабатывается data literacy, то есть тип осведомлённости и любопытства, который даёт навыки жизни с изменениями, возникающими из-за цифровых сервисов и технологий, и умение понимать их контекст.

2.1. примеры вопросов, на которые с помощью такого подхода можно отвечать:

- Как Фейсбук выбирает, что включать в подборку *«Год в вашей жизни»*?
- Почему не у всех людей одинаковая лента новостей?

3. методологически Маркхэм стоит на идее remix methods, подходов, позволяющих видеть повторяемость разных практик и артефактов, с которыми мы можем играть. это значит, что наш опыт связан с созданием повседневных коллажей из действий и их понимания. сами по себе коллажи не хороши и не плохи, ведь оценка происходит, когда мы помещаем практики в конкретную ситуацию.
а вот что можно оценивать — это вопросы, которые мы задаём себе и людям, чтобы понять место этих практик припоминания, видения, наделения смыслом разных элементов цифровой жизни.
4. на выставке исследователи делают *«станции»* с разными вопросами, которые задают люди в белых халатах (они курируют-модерируют выставку).

пример вопроса Станции 1: *Хотите ли вы знать, как часто за вами наблюдают и отслеживают ваши действия, пока вы совершаете покупки или читаете новости в интернете?*
когда человек интересуется, исследователи предлагают вместе посмотреть на данные с помощью приложения Ghostery, как бы наблюдая за другими. и учиться вместе задавать вопросы, выбирая правильные слова (например, которые позволяют понять, чем *«онлайн»* отличается от *«в смартфоне»*).
а потом достать свой телефон, сопоставить чужие практики со своими, разобраться с техническими вопросами — связывая их с более общими, в духе того, хотим ли мы, чтобы в коллективной памяти

оставались именно такие наши элементы жизни. а потом оценить: хотим ли мы, чтобы такие элементы оставались в нашей памяти или забывались

5. статья заканчивается идеей о том, что такие начинания могут быть важным делом для исследовательниц и исследователей, которые занимаются цифровыми штуками. это приближение к тому, как именно происходит интерпретация — но не только себя и своей жизни, а для людей в целом: которые представляют свои данные, а потом живут в мире, где с помощью данных о них тоже что-то узнают.

ЭКСПЕРИМЕНТИРУЯ С АЛГОРИТМАМИ И ПРОИЗВОДСТВОМ ПАМЯТИ: ЖИЗНЕННЫЙ ОПЫТ И ЭТИКА, ОРИЕНТИРОВАННАЯ НА БУДУЩЕЕ В КРИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ДАННЫХ

(Experimenting With Algorithms and Memory-Making: Lived Experience and Future-Oriented Ethics in Critical Data Science) (*статья в соавторстве с Габриэлем Перейрой (Gabriel Pereira))*

в чём проблема статьи? алгоритмы на платформах создают для людей фотоальбомы и другие элементы воспоминаний

В последние годы сервисы Google Photos и Apple Memories нередко становились героями новостных заголовков – благодаря своим обещаниям разобраться с беспорядочными воспоминаниями пользователей, содержащимися в больших данных. Предполагалось, что это внедрение позволит автоматически курировать наши самые значимые фотографии и видео. Эти сервисы полагаются на машинное обучение и алгоритмическую обработку данных. Они вовсе не нейтральны и при этом играют ключевую роль в том, как люди осмысляют свою повседневность.

что сделали авторы?

1. описали проблему — эти альбомы работают с материалами типа фотографий, обращая их в обобщённые данные. затем пользователям предлагают складывать из них своё памятование. как с этим жить?
   (важно, что тут нет алармизма, люди и сами помнят чёрте-как, просто это новая штука, позволяющая помнить, хорошо бы разобраться)
2. в рамках музея рандомной памяти исследователи просили людей donate a memory, дать своё воспоминание музею.
3. датчанка Трина принесла фотографию, где она ещё ребёнок. это было время, когда страну оккупировали немцы во время Второй мировой. потом у неё взяли интервью — почему это воспоминание важно. разговор шёл три часа, и его записали на видео. исследователи хотели показать этот разговор в рамках экспозиции, но он длинный и вызывает два вопроса, если монтировать:

- *Во-первых, есть ли у нас право на ремикс или изменение чьего-то воспоминания после того, как оно было передано нам для хранения?*
- *Во-вторых, должны ли мы показывать воспоминания людей в ином контексте, не том, в котором они нам их передали изначально?*

4. обсудив эти вопросы с Триной, музей решил сделать инсталляцию, в которой был ремикс этого видео с тремя измененными видами передачи информации: звук, видео и транскрипт.
люди смотрели на эти глитчовые изображения, пытались понять, что там происходит. и насколько этично поступили с воспоминаниями Трины о войне? где тут заканчивается ответственность кураторов/исследовательниц? и как рассказ вообще может быть понят целостно?

4.1. и это вопрос не столько этический, сколько к тому, чтобы разобраться: какие именно изменения важны для понимания алгоритмического управления памятью?

5. антропологи обычно думают о проживаемом опыте (lived experience). и вслед за ними авторы говорят, что память — это именно пережитое в опыте. *но хотим ли мы подчеркнуть, что нечто, называемое памятью – это всегда нечто, внедрённое в нас, созданное, пережитое внутри нашего опыта?*

а какие изменения нужно вносить, если мы проживаем опыт (в том числе) с помощью алгоритмов?
(исследователи критически смотрят тут на разделение машинного/естественного и говорят, что дело не в нём, так что простого ответа на вопрос не будет)

6.1. нужно понимать – когда опыт рассматривается алгоритмически, то разные элементы анализируются отдельно, расставляются разные акценты (где-то слышен диалект, где-то — как устроено обращение к зрителю телом и пр).

6.2. иной контекст при алгоритмах возникает не внутри самой истории и рассказа, а через абстракцию.

7. вернёмся к платформам. они позволяют вечно помнить события прошлого. но размышляя над инструментами цифровой памяти, мы можем предпочесть забвение — и в историях и памятовании вообще, и в алгоритмизированной памяти. и лучше разобраться в памяти и забвении

8. в любой рассказ вписана этика и представление о том, зачем надо его затевать. Трина хотела рассказать о том, что для неё важно — люди вместе против врагов, и хочется чтобы они об этом не забывали и не разъединялись. но её история — длинная. а отдельные кусочки воспоминаний — сохраняют ли они заряд из прошлого в будущее, который мы в них вкладываем?
это вопрос, и возможно, мы можем вступить в диалог с алгоритмизированными воспоминаниями и играть с ними. но не стоит забывать о том, какие задачи,

в том числе этические могут быть у тех, кто пересказывает истории.

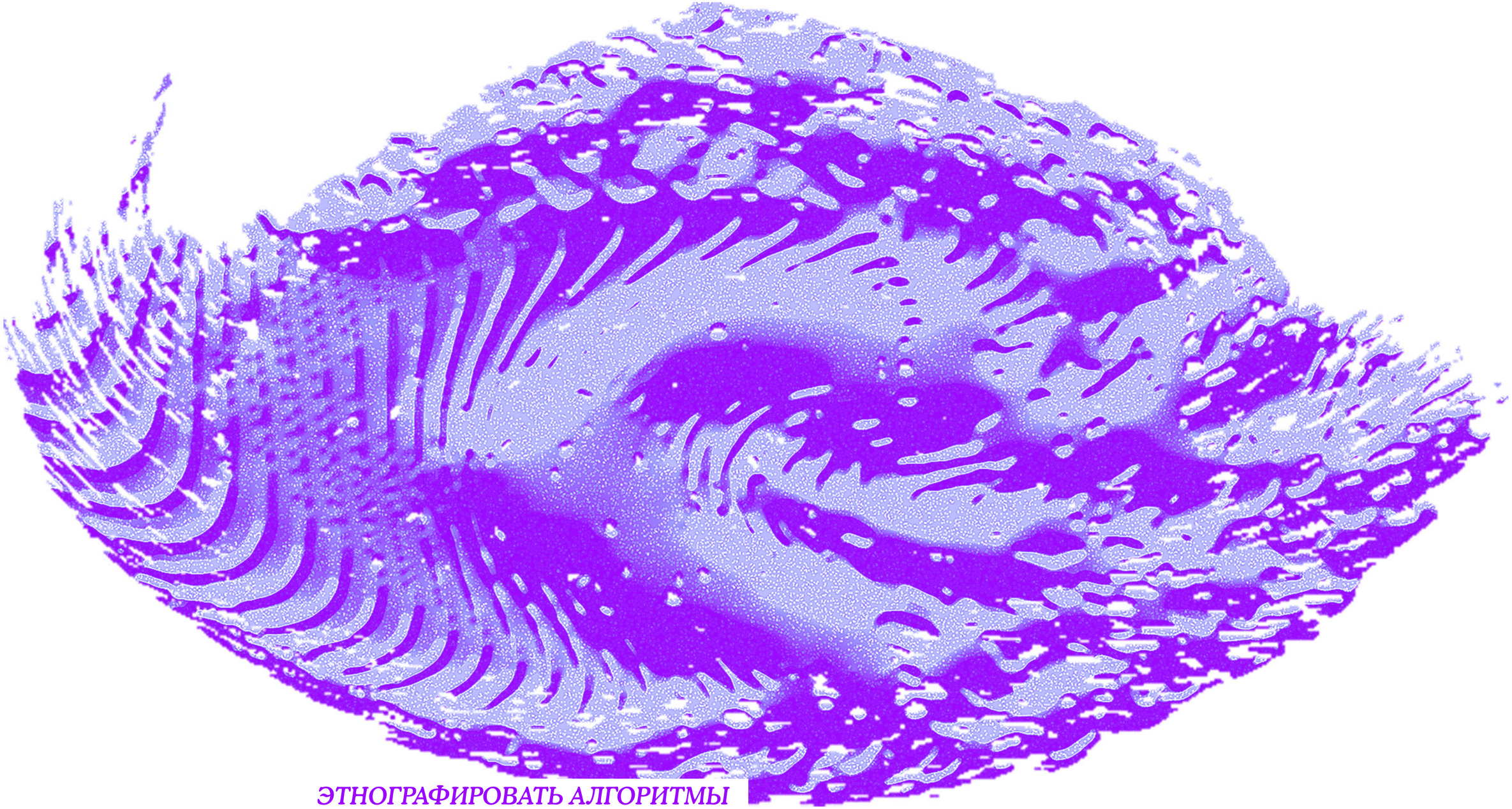
ОСНОВНЫЕ ТЕКСТЫ ДЛЯ ПОНИМАНИЯ ЭТОГО ТЕКСТА:

- Паоло Фрейре. Педагогика угнетённых
- Гарольд Гарфинкель. Исследования по этнометодологии. (вот вторая глава на русском: https://sociologica.hse.ru/2002-2-1/28144831.html)

ВОПРОСЫ К ТЕКСТУ:

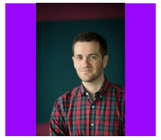
а) Могут ли люди, чьи данные собираются, сами разобраться в том, как описаны их действия, согласно этим данным? Что будет, если они сами станут распоряжаться этими данными? Есть ли возможность выйти с ними на связь и узнать об этом?

б) Придумайте, как можно устроить встречу с теми людьми, чьи действия и слова становятся основой для ваших данных. Напишите темы разговоров и самостоятельных исследований для них. Подумайте, как они могут быть полезны в вашем деле, и что оно может дать им.



ЭТНОГРАФИРОВАТЬ АЛГОРИТМЫ

Ник Сивер (беседа и перевод Дмитрия Муравьёва)



«Понимание того, что значит «быть человеком» меняется, потому что оно сопоставляется с разными техническими системами»: интервью Дмитрия Муравьёва с антропологом Ником Сивером об этнографии алгоритмических систем

Q.- Дмитрий Муравьёв

A.- Ник Сивер

Это сокращённая версия статьи. Полная версия находится здесь: (https://docs.google.com/document/d/1IflXCcAJPVONKuspTNK95PBu6qiWjXu9pSjPkcXHGLI)

Q: В статье «*Что должна делать антропология алгоритмов?*» вы утверждаете, что антропологи должны «*работать против места аналога*» (analog slot) [Seaver 2018]. Можете ли вы немного прояснить эту идею?

A: Я думаю, что у антропологии алгоритмов в целом много сложностей. В частности, одна из них связана с получением признания внутри самой антропологии. К счастью, это становится проще благодаря таким авторам, как Габриэлла Коулман (Gabriella Coleman), Люси Сачмен (Lucy Suchman) и многим другим, занимающимся схожими исследованиями.

Для антрополога здесь встаёт вопрос о человеке и его отношениях с техническими системами. Мы не можем изучать технологию саму по себе из-за представления о том, что технология и человек фундаментально дополняют друг друга, но в то же время существуют порознь. Если вы хотите изучать алгоритмы антропологически, то вы скорее всего будете изучать людей, на которых они повлияли. И это важное направление исследований.

Всё же, это не единственное, что можно исследовать в алгоритмических системах. Алгоритмы существуют одновременно везде и нигде, что влечёт за собой всяческие концептуальные и практические сложности.

В компьютерной науке общепринятые обсуждения алгоритмов не берут в расчёт реальные компьютеры, напротив — это скорее более абстрактный разговор. Так что один из вызовов для социальных исследователей состоит в том, чтобы суметь локализовать своё исследование. Если делать это в компании, то вы столкнётесь со сложностями доступа. Для антропологов это достаточно старая проблема: не всё, что стоит изучать, доступно и ждёт своего исследователя.

Лично я обнаружил много полезного для себя в антропологической литературе, которая, на первый взгляд, не имеет ничего общего с высокими технологиями и алгоритмами, например, исследования тайных обществ — классическая тема для антропологии.

Q: А как устроена граница между человеческим и технологическим в вашем методе? Они существуют отдельно или создают какие-то гибридные формы?

A: Это ещё один методологический вопрос, который меня беспокоит. В антропологии цифровых технологий существует идея о необходимости защиты человека от технического. Я не очень согласен с предпосылкой о том, что такое чёткое разделение вообще должно быть. Более того, я не думаю, что множество людей в это по-настоящему верит, если их последовательно расспросить об этом, но антропология и этнография методологически так

устроены, что между человеком и алгоритмами выстраивается оппозиция, которую я называю *«аналоговым местом»* (analog slot).

Вводя это понятие, я основываюсь на идее Мишель-Ролфа Труйо (Michel-Rolph Trouillot) о *«месте Дикаря»* (Savage slot) — это достаточно известный концепт, предполагающий, что антропология как дисциплина существует для изучения людей, расположенных в определенной позиции — месте Дикаря — которая определяется, по большому счету, как *«перевернутое изображение»* цивилизации [Trouillot 1991]. Идея Труйо заключается в том, что категория *«дикаря»* в действительностине имеет внутренней целостности. Место Дикаря – изобретение антропологии как академической дисциплины. Нельзя сказать, что существуют какие-то *«дикари»*, изучать которых призвана антропология. Появление антропологии и дикаря одновременно, их существование взаимообусловлено.

Есть немало интересных работ, авторы которых пытаются определить, что значит *«аналоговое»* сейчас. Обычно этим словом обозначают всё, что существует вне компьютеров. Такие исследователи как Вэнди Чан (Wendy Chun) и Джонатан Стерн (Jonathan Stern) показали, что это достаточно странный способ говорить о мире. Вот есть компьютеры, а есть термин, обозначающий всё, что к компьютерам не относится.

«Аналоговое место» описывает идею о том, что антропологи должны изучать всё то, что не имеет к компьютерам никакого непосредственного отношения. Такая позиция построена на противопоставлении всему *«компьютерному»*. И, таким образом, наше изучение всего *«человеческого»* предопределено самой оппозицией между человеком и компьютером – это и есть та ситуация с антропологическим знанием, которую я называю *«аналоговым местом»*. Лично мне гораздо интереснее работать с подходами, стирающими эти границы или не принимающими их как данность.

Q: Я заметил, что в своих работах вы проводите различение между алгоритмом как культурным артефактом и алгоритмической системой как связкой людей и технологий, погруженных в социальный контекст. Например, вы обращаетесь к этому различению в работе с проблемой алгоритмической прозрачности (algorithmic transparency) в статье *«Познавая алгоритмы»* [Seaver 2019]. Если я все понял правильно, то проблема с прозрачностью состоит в том, что не существует знания о том, как работают алгоритмы, внутри, например, Google или любой другой компании. Более того, даже если такое знание есть, то оно распределено внутри всей организации, и это знание об алгоритме, но не об алгоритмической системе. Тема алгоритмической прозрачности волнует сегодня многих пользователей, исследователей, политиков, активистов. Как вам кажется, есть ли антропологии алгоритмов что-то добавить в публичные дискуссии об алгоритмической прозрачности?

A: У меня есть несколько мыслей на этот счёт. Во-первых, алгоритм как концепт сейчас вызывает общественный интерес. Ничего такого не было, когда я только начинал

свой исследовательский проект. За последние 10 лет алгоритмы стали широко обсуждаться, началась политическая дискуссия вокруг них, образовалось много организаций, и много денег стало крутится вокруг вопросов алгоритмической подотчетности (accountability), прозрачности, честности (fairness), предвзятости (bias), и так далее. Всё это, в целом, — хорошие изменения.

При этом об алгоритмической предвзятости писали и раньше. Например, можно вспомнить работы Хелен Ниссенбаум (Helen Nissenbaum) и Оскара Ганди (Oscar Gandy), написанные ещё в 1990-е. Сегодня, когда к теме привлекается больше публичного внимания, тематика исследований тоже расширяется.

Сейчас много людей говорят примерно следующее: *«Да, мне небезразличны проблемы, связанные с предвзятостью, нечестностью, непрозрачностью. Я бы хотел проектировать системы, в которых эти проблемы решены»*. И возникает серьёзный вопрос: что же это значит? Как этого добиться? Ведь есть множество способов концептуализации *честности*. Так, некоторые из них подразумевают технические решения, другие — регулирование, выходящее за рамки компьютерных систем, а для кого-то такие решения невозможны по определению.

Антропологический подход мог бы помочь осмыслить то, почему *честность* означает разные вещи в разных местах. Другое соображение, которое антропологи взяли у исследователей из STS и истории собственной дисциплины, – это идея о том, что, *«технические системы»* лучше понимать как *«социотехнические»*.

Системы не существуют изолированно, скорее это ассамбляжи людей, институций и кода, взаимодействующих друг с другом. В своей работе я старался выдвигать на первое место человека, потому что о его роли часто забывают. Разработка программного обеспечения сегодня подразумевает разработку в гибком режиме (agile style software development). Это означает, что вы сделали программу, выпустили её в мир и начинаете собирать обратную связь о пользовательском опыте. Затем эти данные используются для обучения алгоритмов.

В таком процессе важно смотреть на команды разработчиков ПО, которые вносят изменения на еженедельной основе, потому что именно они формируют итоговый продукт. Деятельность таких команд очень косвенно связана с определением алгоритма из учебника. Если вы как исследователь собираетесь что-то утверждать об алгоритме Facebook, то пока вы пишете статью в течение нескольких месяцев, изменения, которые вы задокументируете, будут результатом действий таких команд разработчиков.

Q: Выходит, при такой концептуализации остаётся не так много возможностей, чтобы сознательно вмешаться в работу алгоритмических систем. Если мы считаем алгоритм ассамбляжем институций, людей, кода, и так далее, то может быть достаточно сложно разобраться, что именно надо сделать, чтобы исправить проблемы. Что вы думаете на этот счёт?

A: Вы правы. Для меня такой подход указывает на одну из важных интуиций STS – о том, насколько ограничены исключительно технические решения. Не все проблемы можно решить, просто придумав алгоритм получше. Так, например, в последнее время я работаю над проблемой интерпретируемости (interpretability) в машинном обучении. Это ещё одно политическое требование к алгоритмам, наравне с подотчетностью и прозрачностью. Свойство интерпретируемости предполагает, что машинное обучение должно производить классификации, которые понятны людям. Даже если такие алгоритмы работают *«очень хорошо»* — здесь я ставлю кавычки, потому что сам смысл того, что значит *«работать хорошо»* контекстуально изменчив — необходимо продолжать требовать того, чтобы они были понятными.

Такую постановку вопроса можно заметить и в литературе об интепретируемости в машинном обучении. Когда я с ней работал, то заметил, что там часто предпринимается попытка локализовать свойство интерпретируемости в самом программном обеспечении. В такой литературе выдвигается примерно следующий тезис: *«Система должна быть достаточно понятна сама по себе, в противном случае, необходимо добавить интерактивные элементы, чтобы улучшить степень интерпретируемости»*.

В этой литературе есть один большой пробел — полное отсутствие теории интерпретации. Долгое время интерпретируемость понималась как качество объекта, а не процесс интерпретации как производство значения людьми. Сейчас отношение к этому в компьютерной науке понемногу меняется.

Для меня как антрополога *«интерпретация»* — это поиск значения, ситуативный и изменчивый процесс, ведь люди интерпретируют по-разному. Однако эта идея отсутствует в дискуссиях и ранней литературе об интерпретируемости в машинном обучении. Скорее, там принято считать, что смысл может быть вписан в саму программу, а обеспечение интерпретируемости заключается в том, чтобы у всех пользователей получилось его распознать. Здесь появляется интересный вопрос: может ли существовать такая система, интерпретируемость которой распознаётся именно антропологически, как изменчивый и ситуативный процесс, завязанный на человеческом взаимодействии? Можно ли спроектировать такую систему, которая учитывает контекстуально зависимые и постоянно оспариваемые способы, к которым прибегают люди в процессе интерпретации? Вот для таких постановок вопроса антропология могла бы быть полезна.

Q: Проблема интерпретируемости в машинном обучении несколько похожа на разницу между культурами контекста (context cultures), которые вы обсуждаете в другой своей работе [Seaver 2015]. Не могли вы рассказать немного о различии, которые вы проводите между двумя пониманиями контекста? Могут ли различные культуры контекста находиться не в оппозиции, а в продуктивном взаимодействии?

A: С точки зрения критики, осуществляемой социально-гуманитарными исследователями, в рекомендательных системах контекст часто не учитывается. Я могу дружить с кем-то на Facebook по многим причинам, которые можно назвать контекстуальными. Если дата-аналитик анализирует мой профиль, то он увидит набор связей, где связанные с контекстом смыслы пропадают. Критика с таких позиций важна.

Но в ходе своей полевой работы я заметил, что существует целое профессиональное сообщество разработчиков алгоритмических систем (как в академии, так и в индустрии), заинтересованных в вопросе контекста, в разработке *«контекстуально-осознанных рекомендаций»* (context-aware recommendations).

Например, музыка. Вам нравится слушать разную музыку и в зависимости от того, где вы находитесь — в спортивном зале, дома, на пробежке — ваши предпочтения могут меняться. Здесь контекст понимается как сочетание локации (по GPS) и времени, через анализ взаимосвязи которых выводятся закономерности. Это профессиональное сообщество, занятое созданием контекстуально-осознанных рекомендаций, заинтересовано в подборе музыки под окружающий вас контекст.

Здесь мы натыкаемся на парадокс. С одной стороны, критики (музыкальных) рекомендательных систем говорят, что контекст не берётся в расчет. С другой стороны, есть сильный интерес к контексту со стороны профессионального сообщества разработчиков. Думая об этом противоречии, я понял, что люди закладывают различные смыслы в том, что называют *«контекстом»*.

Невозможно полностью удовлетворить антрополога ответом о контексте, потому что в него можно потенциально включить бесконечное множество отношений, ситуаций и обстоятельств. В какой-то момент необходимо будет сдаться. Вот поэтому некоторые антропологи, например, Роб Диллей (Roy Dilley) или Мэрилин Стратерн (Marilyn Strathern), говорили о том, что помещение чего-либо в контекст надо понимать как практику контекстуализации, которую осуществляют люди, а не как усилие исследователя. В процессе контекстуализации люди обращаются к разным аспектам их жизни, которые считают релевантными именно для конкретной ситуации. Недостаточно утверждать, что контекст имеет значение, давайте помещать всё в контекст, потому что, по сути, это является призывом учитывать неучитываемое. Я предлагаю смотреть на культуры контекста, то есть нормы контекстуализации в разных условиях, чтобы понять, как люди определяют контекст. Это может помочь подсветить специфику критики в отношении контекста.

[…]

Q: Музыкальные рекомендательные системы поменяли то, как мы слушаем музыку. В то же время, мне кажется, что влияние многих цифровых технологий пробуждает такой ностальгический дискурс. Как вы лично рефлексируете такие изменения?

А: В американском контексте часто проводится разграничение между кураторством, когда люди самостоятельно подбирают музыку, и алгоритмами, которые мы обсуждали. Например, на Spotify есть те плейлисты, которые собраны непосредственно людьми, а есть автоматические, сделанные алгоритмической системой. Однако, как мы уже обсуждали, люди имеют большое значение и в алгоритмических системах. Как антропологу мне очень интересно, как выстраиваются подобные оппозиции *«человек/алгоритм»*, потому что часто их становится достаточно сложно поддерживать, имея дело с гибридными формами. Помимо того, что алгоритмы уже скрыто гибридны, есть *«алготориальные»* (algotorial – смесь слов *«курируемые»*, curatorial и алгоритмические, algorithmic — прим. ред.) системы. Это такие плейлисты, которые составил человек при участии алгоритма. В этом направлении нас ждет множество изменений, и ностальгия всегда будет им сопутствовать.

Для меня нет ничего плохого в том, чтобы пытаться выработать более человечную альтернативу этим системам. Ведь тогда мы начинаем размышлять: что для нас значит быть человеком в оппозиции к этим системам? Мне кажется, это гораздо интереснее, чем думать о том, что раньше было лучше, *«было человечнее»*. Воображение этих альтернатив позволяет задаться вопросом о том, что делает те или иные системы более близкими к человеку по сравнению с остальными.

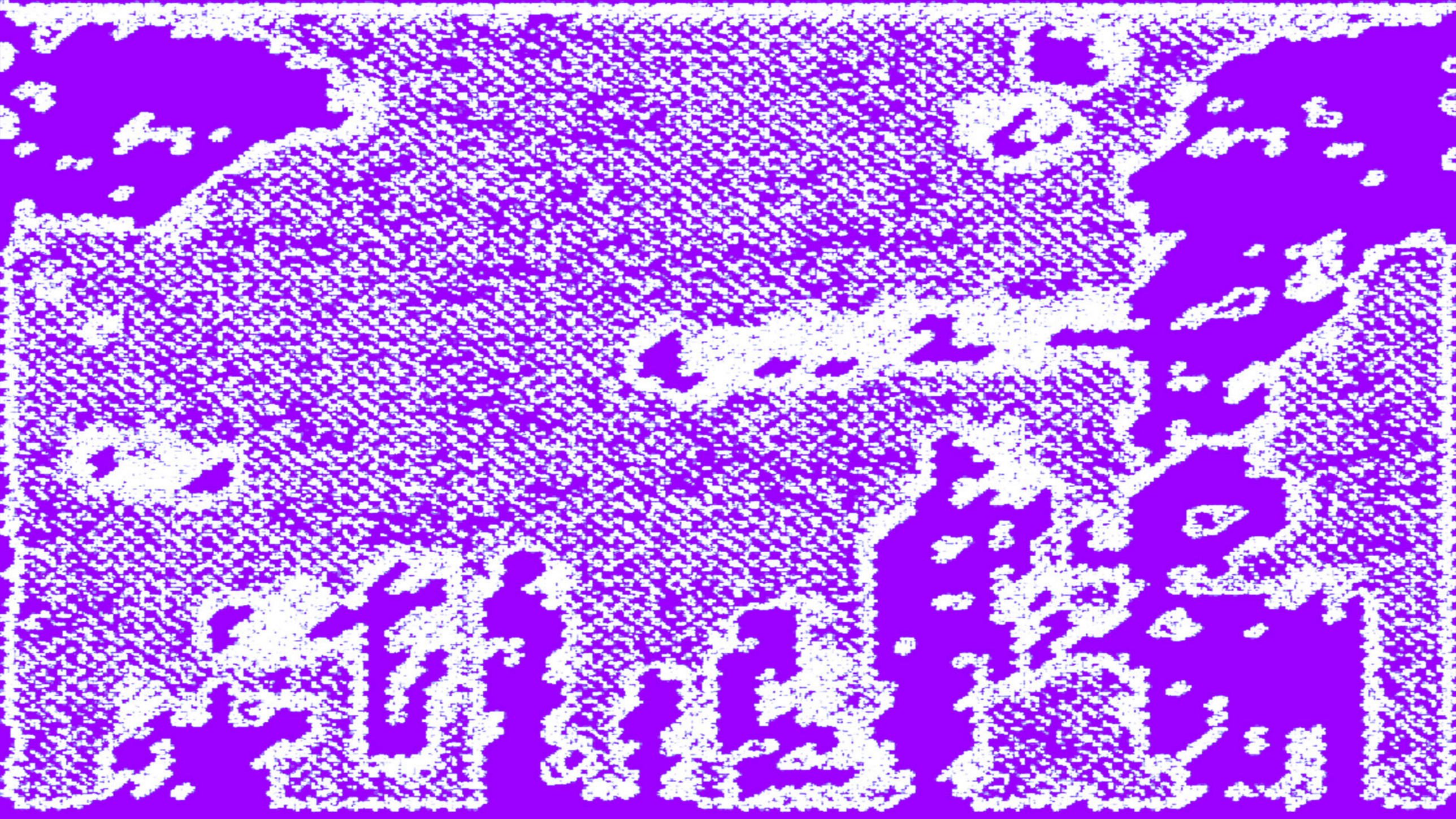
Ведь сейчас фраза *«я делаю продукт с человеческим лицом, а не очередной алгоритм»* означает совсем другое, чем значила бы в 1990-е годы. Если бы вы тогда были радиостанцией, желающей подчеркнуть свою ориентированность на людей, то сказали бы: *«Другое радио — корпоративное, мейнстримное, определено коммерческими интересами, а мы – нет»*. Понимание того, что значит *быть человеком* меняется, потому что оно сопоставляется с различными техническими системами.

Моя позиция как исследователя культуры и антрополога заключается в том, чтобы не принимать *«человеческое»* за данность. Мне всегда интересен контекст, в котором определяется человек, ведь именно через него понимаются и алгоритмические системы.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES:

- Seaver, N. (2015). The nice thing about context is that everyone has it. Media, Culture & Society, 37(7), 1101-1109.
- Seaver, N. (2018). What should an anthropology of algorithms do?. Cultural Anthropology, 33(3), 375-385.
- Seaver, N. (2019). Knowing algorithms. In J. Vertesi, D. Ribes (Ed.) DigitalSTS, 412-422. Princeton: Princeton University Press.
- Trouillot, M. R. (1991). Anthropology and the Savage Slot: The Poetics and Politics of Otherness. In R.G. Fox (Ed) Recapturing Anthropology: Working in the Present, 17-44. Santa Fe, N.M.: School of American Research Press.

ВОПРОСЫ К ТЕКСТУ:

а) Как с вашей точки зрения должны приниматься решения о том, что является составной частью «контекста» в дискуссиях о сборе и использовании данных, и как они происходят на практике? А согласны ли вы с тезисом Сивера, что понимание человека меняется в зависимости от того, с какой технологией он сопоставляется и/или противопоставляется?

б) Посмотрите на пример с радио, которым заканчивается интервью. Как вы думаете, как мог бы быть устроен сбор и анализ данных «с человеческим лицом», этически приемлемый для вас? Попробуйте привести несколько характеристик такого процесса, а затем подумайте о том, что за понимание человека вы явно или неявно заложили.